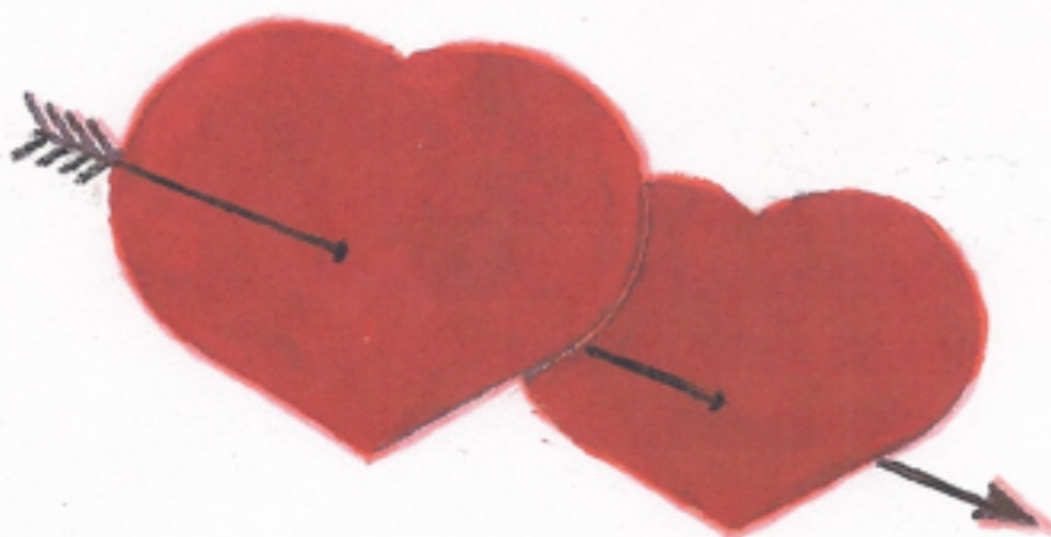

В. И. Титомиров

ПОРА ЛЮБВИ,

КОГДА БЫЛА

“ОТТЕПЕЛЬ” ПОСЛЕ СТАЛИНА

12+

Владимир Титомиров

Пора любви

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Титомиров В. И.

Пора любви / В. И. Титомиров — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга содержит уникальную полную переписку двух молодых людей, разъехавшихся сразу после знакомства, продолжавшуюся в течение девяти месяцев до их свадьбы и содержащую интересные подробности жизни в России в середине XX века.

Содержание

От автора	5
Программа симфонии[1]	11
Часть первая	12
1	12
2	17
Часть вторая	21
1	21
2	30
3	37
4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Титомиров

Пора любви

когда была «оттепель» после Сталина

*"Пора любви!
Какое томное волнение
В моей душе, в моей крови!"*

А. Пушкин. "Евгений Онегин".

*"Чем больше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей."*

А. Пушкин. "Евгений Онегин".

*"Там, где ощущается недостаток во всём, природа отдаёт всю
себя безраздельно. Для камня у неё есть плюш, для человека – любовь."
В. Гюго. "Человек, который смеётся".*

От автора

Не пугайтесь этого длинного предисловия. Оно – потому, что эта книга – не легкомысленный роман, каких много, а серьёзный рассказ о непростом времени.

Автор исходил из того, что исходный материал, письма, был настолько уникальным, что, в отличие от всех других романов, читателю будет полезно и интересно сразу знать, что было исходным и чем он закончился.

Итак, исходным было то, что в руки автора попала вся переписка двух молодых людей от их знакомства до их свадьбы. И самое чудесное было то, что вместе оказались письма их обоих. Так оказалось, что они оба дорожили полученными ими письмами и сохранили их. А когда они объединились, то и письма оказались в одной пачке. Автор романа работал на большом предприятии и имел доступ во многие его отделы, в том числе и в машинописное бюро. Он упросил одну из машинисток, и она отпечатала на машинке все эти письма. Далее была большая работа, в результате которой автор придал всей рукописи оригинальную форму "романтической симфонии" и сопроводил её полезными комментариями и дополнительными сведениями, которыми он располагал, т. к. хорошо знал героев романа в течение длительного времени их жизни. Это и позволяет надеяться, что у читателя не останется никаких неясностей и сомнений в правдивости всего рассказа в целом. А теперь – всё по порядку.

* * *

Сомневающимся, стоит ли читать эту книгу, могу посоветовать сразу заглянуть в авторское послесловие, обстоятельно объясняющее её уникальность. Помещено оно в конце именно потому, что его суть будет понятнее всем после знакомства с содержанием книги.

Для начала хочу объяснить, почему я взялся за перо. Для этого – много различных причин. О некоторых из них лучше сказать сразу.

Общество можно подразделить на талантливых и гениальных, благополучных. и неудачников.

Быть неудачником, – что и говорить? – плохо. Талантливые и, тем более, гении, – дар Божий. Это – особенное счастье, но это – и большая обуза, ибо талант и гениальность очень ко многому обязывают, лишают человека возможности полностью распоряжаться своей судьбой, т. к. "талант нельзя зарывать в землю".

Иное дело – благополучный член общества, коих большинство. Ему никто не мешает распоряжаться собой, как он хочет и может, быть в определённом смысле самым свободным. И именно поэтому некоторые талантливые люди, которых, видя их неординарность, близкие за это называют в результате «ленивыми», предпочитают жить жизнью рядовых, просто благополучных. И как то ни странно, нередко именно такие люди распоряжаются своей жизнью с наибольшим удовольствием. И среди рядовых благополучных находятся такие «умельцы», которые оказываются в итоге самыми счастливыми.

Пережив много и многое прочитав, я и «нацелился» на подобное, полное счастье (впрочем, кто к нему не стремится?!). И считаю, тьфу-тьфу-тьфу, – в этом преуспел.

Вырабатывая жизненные принципы, я взял для себя за основу целый ряд из них. Один из них, основной для меня, изложил Virgiliy:

"Из первых пусть последним буду слыть,
Но лишь бы из последних первым быть."

По своей сути, это – то, что я вначале изложил своими словами.

Вывод: рядовой счастливчик – идеал для масс. Идеал это и для меня.

Ещё о том же. Кто-то сказал, что тот прожил жизнь счастливо, кто сумел посадить дерево, испытать взаимную любовь и написать книгу. Я бы к этому добавил ещё очень многое, в чём мне удалось преуспеть, но с удовлетворением отмечу, что эти три условия мне повезло выполнить. Замечу при этом, что и дерево посадил не одно, и книг написал – три, а вот взаимная любовь, слава Богу, одна.

Не стану развивать уже высказанное. Скажу только, что для счастья необходимо многое пережить, передумать, познать и прочувствовать. И чтобы быть по-настоящему счастливым, одной удачи мало; надо знать цену счастья и уметь увидеть путь к нему, завоевать его и затем удерживать. Это касается всех жизненных вопросов, начиная с природных данных, – здоровья, успехов в труде и прочих занятиях... Ну, и конечно же, если не в первую очередь, – умение находить знакомых, друзей, и венец всего – взаимная любовь.

Но все вопросы любви – самое, на мой взгляд, трудное в жизни. Конечно же, тут ничего не поделаешь без удачи. Очень трудно встретиться с соответствующим человеком. Но и одной удачи, ох, как мало! Важное невозможно перечислить, как и вообще трудно об этом даже говорить. Нет ничего, что бы не было важно для настоящей любви.

Замечу, что именно поэтому столько написано о ней, и именно поэтому я решил обстоятельно осветить этот вопрос в этой моей книге, исходя именно из того, что найдутся такие читатели, которым изложенное здесь будет очень полезно, и ничто не окажется лишним. Продолжу.

Иными словами, научить искусству любить, быть счастливым, другого человека – совершенно безнадежное дело, хотя её ростки заложены в нём от природы.

В чём я уверен, так это в том, что для этого надо, как говорят, "пройти сквозь огонь, воду и медные трубы".

Это отнюдь не значит, что нельзя обрести эти свойства "в мирных условиях". Но тогда надо уметь извлекать из искусства и литературы то, что другие пережили в жизни и затем изложили в своих произведениях.

Подчёркиваю особо: *но тем не менее, в какой-то степени всё это можно почерпнуть из искусства и литературы.*

Хотелось бы, чтобы и эта книга смогла быть полезной хоть кому-нибудь для такой цели.

А что касается автора книги, и, соответственно, её героев, то они пережили до того, как их свела судьба, такое, чего не дай Бог никому пережить впредь.

Разумеется, характер и рамки этой книги не позволяют здесь начать с рассказа об их прошлом. Это может быть, и в конце концов стало, содержанием совсем другой книги, или – книг.

Откровенно говоря, ещё один рецензент, прочитав рукопись, порекомендовал написать предисловие с рассказом о прошлом авторов писем. Автор этим занялся, надолго отложив сами письма. А этот рассказ, но не в отношении одного из них, а о самом авторе этого романа, так разросся, что затем и перерос в отдельные книги, которые в конце концов и были завершены ещё раньше.

Для тех же, кто этих книг раньше не прочтёт, перечисляем основное из пережитого ими, чего уже может быть достаточно для лучшего понимания содержания писем: война, безвременная потеря близких от руки врага, вопиющая несправедливость соотечественников по отношению к родным, близким и к ним самим...

Всё это в чрезмерном количестве предоставила нашим героям советская действительность в первой половине XX века. Оно счастливым образом закончилось за какие-нибудь 3–4 года до описываемого здесь времени.

Могу сказать, что люди испытывают радостные чувства уже на пути к ожидаемому счастью, ну, и конечно же, – при его достижении. И надо уметь периодически, как бы со стороны, видеть свою жизнь и ценить «мгновенье» (вспомните у Гёте: "Остановись, мгновенье. Ты прекрасно!").

И, конечно же, я боюсь скептиков, которые, ещё не открывая книгу, скажут: "Любовь? Да она в каждой книге!" А на упоминание о войне они, возможно, скажут: "Пережили войну? Да её пережила вся страна, а мировую – весь мир!" И затем: "Не пора ли уж об этом, по крайней мере, о войне, уже перестать? Надоело и так! Сколько можно?!"

Отвечу коротко.

Любовь – тема вечная, и в жизни и в книгах. Писали, пишут и будут писать всегда. И всегда найдутся читатели.

А о войне. Во-первых, здесь я о войне не пишу, а просто пояснил, что мои герои потому особенно ценят мир во всём его многообразии, что пережили войну. И слава Богу, вышли из неё здоровыми, молодыми, привлекательными, жизнелюбивыми...

Мир, а затем – «оттепель». Это ведь было такое счастье всего народа и каждого в отдельности!

Не передать, сколько было до того самых невероятных, грандиозных обещаний! И сколько несбывшегося, заблуждений!

А Победа после такой войны, к которой даже не подобрать эпитетов!.. А "оттепель" – счастливая пора после разоблачения культа личности, – после невероятных репрессий и физического истребления цвета нации.

И хоть это, конечно же, "радость со слезами на глазах", но это – великая радость! И к этой радости добавляется ещё невольное эгоистическое сознание, что посчастливилось выжить, что дожили до такого времени! Что именно мы – даже ещё счастливее многих, ныне живущих!

И потому это предисловие. И именно в этом особенность того времени и неповторимость и тех писем, и тех чувств, которые переживали, о которых писали мои герои!

Итак, в середине 50-х годов к величайшей, неутрачиваемой, радости Победы прибавилась большая радость, – что остались позади кровавые репрессии в Советской России. И именно в это время, после всех испытаний и в пору последовавшей затем всеобщей радости, в чём

им пришлось участвовать, и посчастливилось встретиться героям этой книги. А то, что было с ними потом, и легло в основу содержания книги.

И именно уникальность этого времени делает всё содержание книги тоже особенным. Но если кто-нибудь подумает, что жившим тогда можно позавидовать, то это было бы ошибочным, ибо не дай Бог этого никому в будущем! Об этом лучше прочесть особо...

Здесь я решил было закончить мою вступительную часть. Подумал, что изложенного в ней достаточно для понимания прошлого героев книги, и не слишком много, что могло бы утомить читателя до того, как он приступит к главному. Хотел вторую часть этого вступления перенести в конец книги. Но как ни пытался это сделать, ничего лучшего не получилось. Поэтому уж продолжу здесь, оправдываясь тем, что упоминание и объяснения того времени, которое пережили мои герои до их встречи, уж слишком грандиозны, чтобы о них упомянуть вскользь.

И так, продолжу здесь.

Авторы и герои писем, лёгших в основу «симфонии», Вадим и Марина, родились и жили до встречи он – в Ленинграде, она – в Москве, всю войну пережили он – в заблокированном городе, она – в эвакуации в Сибири, оба имели родственников под Одессой, благодаря чему там и встретились.

Хочу немножечко пооткровенничать о Вадиме в то время, чтобы читатель более конкретно представлял трудности, с которыми ему пришлось столкнуться.

Кончились война, блокада Ленинграда, в течение которых Вадим безвыездно был в своём родном и любимом городе. А через два года его сочинение на выпускных экзаменах при окончании школы было отправлено в Городской отдел народного образования (Гороно) с оценкой, поставленной в школе, – «отлично» на предмет согласования, согласно установленному порядку, и разрешения его автору вручить золотую медаль. Но вернулось оно с оценкой «хорошо», что лишало автора сочинения всякой медали!.. За что? Никому не рассказывали и не доказывали. Он пытался спрашивать. Ему только сказали, что будто бы он написал "о счастья", а надо было "о счастье". Вот вам и счастье! Именно на этом слове его лишили той заслуги, о которой все в школе говорили, что уж он-то получит её точно! И ещё добавляли: "Счастливчик! Будешь отдыхать всё лето и поступишь без экзаменов и вне конкурса в любой ВУЗ!"

Мог ли он тогда знать, что коммунисты везде в России установили свои порядки и свой контроль, при котором никто с сомнительной биографией не мог на что-либо претендовать?! И в самом деле, могли ли они допустить, чтобы золотую медаль получил сын бывшего коммуниста, исключённого до войны из партии?

А в лето 1947 года, ровно за 10 лет до времени описанной здесь любовной истории, он всё лето проходил с температурой, потому что его лишили безусловно обещанной и по неведомой причине не присуждённой медали, и не только золотой, но и серебряной тоже, т. к. «четвёрка» по сочинению лишала такой возможности. И, главное, – пришлось сдавать экзамены при поступлении в ВУЗ, да ещё и не приняли на тот факультет, куда он хотел, а предложили другой факультет.

Чтобы понять, как "закалялась сталь", доскажу, что ещё было до начала "симфонии".

Два года спустя, в 1949 году, отец Вадима был объявлен "врагом народа", арестован и отправлен в Сибирь, в лагерь политзаключённых строгого режима, где – шаг в сторону и – смерть. И там он, ни в чём не повинный, отбыл наказание, вычеркнув из жизни 5 лет, а осуждён был на дольше. За что? Отсидел до самой кончины "великого вождя всех времён и народов" – Сталина, и только ещё год спустя, полностью оправданный, вернулся в сопровождении медсестры, так как сам двигаться не мог, перенёс там, проделанную самими заключёнными, тяжелейшую внутривисцеральную операцию. Это было в 1954-м году.

Вот вам – маленькая вводная иллюстрация, чтобы вы представляли хоть чуть-чуть, какое тогда было время и насколько тогда были велики переживания, насколько обострённо воспринималась тогда любая возможность быть хоть чуточку более счастливыми!

Обо всём этом уместно подробнее рассказать отдельно. А сейчас я поначалу не хотел даже упоминать о пережитом, чтобы не омрачать читателю предложенную его вниманию романтическую историю.

Но потом я решил (да ещё и мне подсказали), что всё-таки хоть что-то сказать надо, а то ведь так и не поймут, откуда *такие чувства* у совсем ещё молодых людей. Да, они оба многое могли бы ещё рассказать в своих письмах и друг другу, и нам с вами, о том, как досталось и им самим, и их близким, и всему российскому народу. Но они парили над всем этим на крыльях неожиданно нахлынувших романтических чувств, и постарались забыть, забыли, как только могли, обо всём том... Ибо иначе их счастье не было бы таким полным.

Замечу, правда, что на самом-то деле, прошлое полностью забывать нельзя. Но к нему надо уметь так относиться, чтобы оно не мешало, а, наоборот, помогало, ещё больше ценить жизнь и всё то хорошее, что встречается на жизненном пути.

Время спустя добавляю. Передо мной – книга Стендаля "О любви". И характерно, что она относится ко времени после войн Наполеона, спустя около 10 лет.

Вот и эта книга – тоже, как видно уже по названию, о любви. И время приведённой здесь переписки – спустя всего 10–12 лет после окончания войны, когда наступила совершенно другая пора. Так повезло нашим героям!

На основании этого, к сожалению, не получившегося коротким, вступления читатель должен понимать: ни война, ни блокада, ни трагедия с близкими не повлияли на психику живущих после этого наших соотечественников. Они сумели её уберечь, и потом прожить полноценно. Видимо, сказались природный, да и заложенный воспитанием, оптимизм, и жизнелюбие молодости.

Поэтому прошлое героев я "вынес за скобки". Но в то же время я решил его не скрывать, ибо надо понимать, что именно благодаря этому у них появилось обострённое восприятие жизни, красоты природы и человеческих чувств. И хочется надеяться, что те, кому в жизни не придётся переживать серьёзных трудностей, смогут прочитанным здесь восполнить своё "душевное воспитание" для того, чтобы уметь обрести счастье в жизни, не упустить его.

Вот что я хотел, и, надеюсь, что смог, донести до читателя перед тем, как он приступит к основному чтению.

Я рассчитываю на такого читателя, который проникнется сказанным, книга заинтересует его, и именно из неё он захочет и сможет почерпнуть для себя и опыт и интерес.

Полагаю, что написанного здесь достаточно для полного восприятия основного содержания этой книги. Ну, а если читатель не смог раньше прочесть другие книги этого же автора, то сможет поискать их и прочесть потом.

Это предисловие было написано 22 ноября 2000 года, в канун нового тысячелетия, и 43 с половиной года спустя то время, когда были написаны приведённые здесь письма. При переводе рукописи, написанной на бумаге, в компьютер, много лет спустя, автор лишь немного её подкорректировал, не затрагивая, конечно же, текста писем, кое-что добавил и в это предисловие.

Читая письма, имейте в виду, что их авторам и героям было – Вадиму – 28 лет, а Марине – 22 года. Из классической литературы автор сделал вывод, что идеальный возраст для молодожёнов: жениха – 24 года, невесты – 18 лет. Если считать, что у всех, переживших войну, её время как бы вычеркнуто из жизни, то и получается, – надо прибавить 4 года войны к их возрасту. Иными словами, возраст Вадима и Марины был идеальным! И вообще, много счастли-

вых совпадений легло в основу их счастья, а особенно – что позади было трагическое прошлое, что они оказались в одно время в одном месте, что связали свои судьбы в одну, и многое-многое другое...

Ну, а теперь я считаю, что всё необходимое для достижения максимума сделано, и вы, уже вполне понимая, что к чему, читайте основной текст.

Добавляю только ещё, годы спустя. Эти письма важны ещё тем, что вскоре позже техника общения перепиской кардинально изменилась, обрела компьютерную форму, при которой уже проследить развитие отношений, создать полноценную документальную рукопись, стало совершенно невозможно. Так что этот роман, в сущности, – последний такого рода.

И ещё – о некоторых особенностях создания этого романа, которые тоже сразу важно знать читателю.

После свадьбы, которая и есть – финал этого романа, Марина приехала к Вадиму в Ленинград. С собой она привезла его письма. Он их соединил с сохранившимися письмами от неё. Потом Вадим передал их автору. И на их основе родилась рукопись романа.

Ну, и последнее. Автор дал почитать эту рукопись одной приятельнице и своему другу-литератору-профессионалу, ничего не сказав об особенностях её создания. От них обоих он получил много замечаний, именно по сути писем, как-будто это вовсе не подлинные письма, а плод фантазии автора романа.

Например, друг-литератор написал, что он считает письма Марины излишне тёплыми. Так выглядело, что он советовал бы их переработать. Но мы-то с вами знаем, что они – подлинные и максимально сохранённые.

Автор счёл, что эти замечания рецензента придают особый смысл содержанию писем, и, как видно, некоторые из них привёл в тексте книги.

И ещё читателю следует иметь ввиду следующее. Чтение ещё усложняют вставки от автора. Первоначально они были все в виде сносок внизу листов. Но при малейших изменениях эти сноски перемещались снизу листов. Поэтому здесь информация от автора дана иногда – сносками, а большей частью – в квадратных скобках в нужных местах. Исключения составляют длинные пояснения – комментарии, которые приводятся с пометкой "К".

Таким образом, замечания рецензента и автора романа призваны помочь читателю получше прочувствовать особенности этих писем.

Итак, роман-"симфония" перед вами. Наслаждайтесь!

Программа симфонии¹

Программа.

Первая симфония до мажор

("Романтическая"), соч. I (1992).

- I. Чудное мгновенье. *Amoroso*.²
 2. Испытание разлукой. *Doloroso*.
 3. Неземное притяженье сердец. *Agitato*.
 4. Свадебная песня. *Estaticamente. Vittoriosamente*.
- Финал. Венец счастья – любовь. *Patetico. Con amore*.

¹ Кто бывал на симфонических концертах, тот знает, что так выглядят их программы.

² Перевод найдёте далее, в сносках в начале каждой из глав.

Часть первая

Чудное мгновенье, или Неделя пленительного счастья (Amoroso³)

Начало августа пятьдесят шестого года

*"Первое дело твоё, новобранец Венераиной рати,
Встретить желанный предмет, выбрать, кого полюбить.
С неба она к тебе не слетит дуновением ветра..."⁴*
Овидий. "Наука любви".

"Значение любви в жизни человека трудно переоценить. Да и вся жизнь в природе делится на две поры: пору любви и пору её ожидания – прелюдию любви."
(Из дневника автора.)

"И эти юные создания... влюбились друг в друга с первого взгляда. Такова истинная любовь, не та любовь, которая вырастает из взаимной симпатии, общих интересов, духовной близости, но любовь простая, первозданная. Так любил Адам Еву, когда он проснулся и впервые увидел её в саду, смотревшую на него влажными глазами. Это была та любовь, которая влечёт друг к другу зверей и богов. Та любовь, которая делает мир чудом. Та любовь, которая даёт жизни её внутренний смысл.

...И очень редко бывает так, что оба любят одинаково. Тогда, наверно, само солнце останавливается."

Сомерсет Моэм.

1

В то лето Вадиму было неполных двадцать восемь лет. О женитьбе он не думал, а то бы вспомнил о где-то вычитанном мнении, что идеальный возраст для женитьбы – 24 года, для замужества – 18. А так как не думал, то и не переживал, что уже перешагнул этот возраст.

Если бы мы с вами проследили его жизнь за последние годы, то отметили бы, что с годами число знакомств с девушками в единицу времени (Как вам нравится такой показатель?) у него заметно росло. И поскольку эти знакомства не заходили слишком далеко, о нём нельзя было сказать, что он – «ловелас» и что он "менял женщин, как перчатки", хотя внешне кое-кому так могло показаться. Нет, не такие это были отношения. Теперь нам кажется, что, сам того не подозревая, он торопился их менять лишь в поисках той единственной...

Где и когда бы он ни был, – в своём городе, на вечерах, в домах культуры, в турпоездках, в командировках, – везде он знакомился с девушками. Всегда у него был длинный донжуанский список, который постоянно обновлялся. И всегда он переписывался с жившими в других городах. Так было и в войну, во время которой он даже переписывался с уехавшими в сибирь.

Этот наш рассказ начинается как раз с того времени, когда Вадим собрался в очередной отпуск. Он не ставил себе далеко идущих целей. Он хотел хорошо отдохнуть. А вышло на самом деле не совсем так. Расскажем по порядку.

³ С любовью, страстно, нежно (лат.)

⁴ Вторая и третья заповеди Овидия – дальше, перед 2-й частью и финалом.

Так вот, годом раньше познакомился он на юге с двумя хорошими девушками из Киева и переписывался с ними. И хотя не о них у нас тут речь, но кто знает, как повернулась бы его дальнейшая судьба, если бы всё-таки не они?! Ведь очевидно, что из-за них он раздобыл тогда туристскую путёвку, – на путешествие по Днепру, начавшееся именно четырёхдневным пребыванием в Киеве. За эти четыре дня он убедился поочерёдно в достоинствах обеих вышеупомянутых девушек, но и не более того... Расставание с ними ничуть не омрачило ему начало речного путешествия, которое во всяком случае сулило ему частую смену впечатлений. Предстояло посетить с десяток приднепровских городов, а затем через Херсон приплыть в Одессу, с которой у Вадима и без того было связано предостаточно. И мог ли он тогда думать, что главное будет ещё впереди?!

На теплоходе для туристов отвели две восьмиместных каюты. А так как при беглом осмотре группы наш герой не нашёл никого интересного для длительного общения, то он и согласился быть восьмым в каюте, где остальные семь мест занимали студенты из дружественного в ту пору Китая.

Общество сразу семи китайцев, пусть даже очень дружественных, Вадим при всём желании не мог счесть за великое благо, и тем более – во время отдыха, который теперь, работая, после недавних школьных и студенческих лет, он стал ценить особенно. В каждом пункте остановки Вадим был похож на собачёнку, которую держат в маленькой квартире и периодически выпускают погулять. Будь это в нынешнее время, он сравнил бы себя в такие минуты с хоккеистом, вырвавшимся на лёд после отсидки штрафного времени. И хотя почти в каждом городе, во время отдыха на берегах Днепра, он умудрялся-таки знакомиться с кем-нибудь из девушек, всё же не трудно представить его душевное состояние к концу этого путешествия, ещё недавно казавшегося ему таким заманчивым!

И вот, оказавшись в Одессе, в номере гостиницы «Центральная», в двух шагах от знаменитой «Дерибасовки» [Дерибасовская – главная улица Одессы. – Авт.], он не растратил оптимизма и мечтал хорошо провести оставшиеся после путёвки восемь дней от отпуска.

На следующий же день после приезда он отправился в Лузановку, – на пляж, который всегда предпочитал, хотя получасовая тряска в трамвае, на жаре, была тому мало приятной увертюрой. Но и тут, в тот же день, уже в трамвае, он познакомился с очередной девушкой и с ней расположился на пляже. Но, простите за эти подробности. Ещё и не об этой девушке наш рассказ...

Та, с кем несколькими мгновениями позже свела его судьба, уже давно, и не впервые, приехала в этот город из Москвы. Она остановилась у родственников на разросшейся промышленной окраине Одессы, к которой и примыкала Лузановка. Место это занимали два района – Молдаванка и Пересыпь, о которых некогда, в истории любви Кости – моряка и рыбачки Сони, пела вся страна. Так что, как видно, места эти располагают к чувствам нежным...

Москвичку звали Мариной. Было ей, как уже сказано, двадцать два года. На пляж она пришла с компанией юношей и девушек. Её окружали друзья. С некоторыми она была знакома не один год. Добавлю к этому, что она нравилась из них не одному, но одному – особенно. Теперь вы знаете о ней то, о чём Вадим в тот момент даже и не подозревал. Можно себе представить, чем всё обернулось бы, будь парни в этой компании поагрессивнее, что мы нередко видим в фильмах. Забегая вперёд, скажу, что всё обошлось без драки... Впрочем, всё по порядку.

Ах, если бы он не посмотрел именно в ту сторону и именно тогда, в тот единственный момент, где и когда она, неосмотрительно отпущенная без сопровождающих, появилась мимоходом, направляясь к воде, среди довольно плотной толпы загоравших и изрядно загораживавших её!!!

Можно не сомневаться, что сказала многолетняя тренировка, каким-то образом просуммировались те, казавшиеся потом такими непростительными (!), довольно нередкие слу-

чаи, когда, упустив момент, он потом корил себя за нерешительность: не подошёл, не заговорил, не...

На этот раз он ничего не анализировал, не рассуждал, да и попросту толком ничего не разглядел. Всё было позже. А в тот момент он только почувствовал необъяснимую тягу и не успел оглянуться, как оказался в воде рядом с ней. Буквально на втором слове (Что может быть лучше для знакомства?!) выяснилось, что она не умеет плавать. Тут же он и напросился в учителя. Во всяком деле объяснять мало, надо и помочь, а тем более – в обучении молоденьких девушек плаванию... Вы видели когда-нибудь юношу, который стоял бы истуканом и объяснял барахтающейся в воде девушке, что она должна делать? Вот и я тоже не видел. В таком деле, согласитесь, любой непрочь изобразить из себя Сальникова,⁵ и с видом знатока (но с какими мыслями?!) подложить руку снизу, заодно и помогая держаться на воде.

Но вернёмся от обобщений, которые могут нас далеко завести, к нашей, теперь уже, – паре, и не будем при этом заблуждаться: от обучения плаванию продолжения могут быть диаметрально противоположными. А как же было на самом деле?

Итак, обстоятельства вынуждали его буквально на второй минуте знакомства прикоснуться к девушке, и отнюдь не к кончикам её пальцев!

Скажем прямо, такое уникальное, и не выдуманное, стечение счастливых обстоятельств, не могло остаться без того, чтобы о нём не рассказать читателю. Но это ведь – только начало! А ведь мало того, что на пляж оба они пришли не одни! Они ещё оба приехали в отпуск. И жили в разных городах! А сколько вот таких встреч во время отпусков завершались элементарной разлукой!.. Но те, кто поженились... Ведь у каждой пары – своя история! Но во всяком случае, такое начало знакомства – не просто редкость, а, согласитесь, случай уникальный!..

Ясно, что читатель уже по титульному листу и первым страницам понимает, что это знакомство имело продолжение, и только пытается догадаться и прочесть далее, как было на самом деле. А было вот как.

У него вдруг появилось необъяснимое волнение. Смущение мешало мыслям. Казалось, ещё немного, – и всё будет бесславно кончено. Но откуда взялись эта смелость, это красноречие?!

Она потом вспоминала, что так же с первого момента как-будто забыла обо всех окружающих и не понимала, что с ней происходит...

Потом он уже не мог вспомнить, как и куда делась та девушка, с которой он пришёл на пляж.

А годы спустя они не раз вспоминали подробности этой встречи, как-будто это случилось не с ними. Они вместе смеялись над его неуклюжим ухаживанием: как он из кожи вон лез, чтобы ей понравиться, неуклюже носился за мячом при игре "в кружок", демонстративно делал стойки на руках в воде, после чего падал на спину, поднимая фонтаны брызг. Он рассказывал ей без умолку один за другим анекдоты и смешные истории, не отходя от неё ни на шаг. Она искренне смеялась.

Она познакомила его со своими друзьями. Они тоже показались ему очень привлекательными и приветливыми. Лишь потом он понял, что они признавали его только ради неё, а на деле относились к нему крайне подозрительно. Но проявление истинных чувств уронило бы их в её глазах, чего они, конечно же, не хотели.

Прощаясь, они договорились встретиться вечером того же дня в городе. И первый же совместный вечер закончился глубокой ночью. Проводив её до дома, на окраину города, он возвращался, когда никакие трамваи уже не ходили. Надо, правда, отметить, что всё-таки находилось что-то попутное, так что ни разу ему не пришлось проходить весь обратный путь пешком, хотя было очень не просто.

⁵ Сальников – известный в то время советский пловец-рекордсмен.

Так, как один, пролетели все восемь дней.

Утром они встречались на пляже. Потом она уже приходила чаще одна. Вместе проводили всё время: купались, болтали, рассказывали о себе. Он – о жизни в Ленинграде, она – о жизни в Москве.

Минутами он в задумчивости любовался ею издали, как-будто не верил, что это – не сон, что он с нею знаком. Она, если замечала, спрашивала, как бы в смущении: "Ну, что ты?.." И он тут же, как бы спохватываясь, оживлялся.

И вообще, когда они были вместе, он неизменно был оживлён, старался её развлекать, но во-время останавливался, если хоть чуточку чувствовал, что может утомить. Всё время, как бы подсознательно, он контролировал каждый свой шаг, боясь, но не подавая виду, чем-нибудь помешать продолжению их знакомства. Она же проявляла к нему откровенный интерес. Поэтому ему было с ней необычайно легко, как-будто у него за спиной выросли крылышки. Им казалось, что они на пляже совершенно одни, хотя кругом было столько народу, что подчас пройти к воде было проблемой. Они замечали только друг друга и музыку, которая в те времена сопровождала отдых на южных пляжах. Им обоим больше других нравилась одна и та же эстрадная песня. Не раз потом они без слов с пониманием переглядывались при её звуках. Это была их песня! Были потом и другие, но эта была первой! В какой-то из дней, когда они оказались среди прибрежных деревьев, вдали от посторонних глаз, она сплясала для него лезгинку.

Это было незабываемо! Наверно это был самый лучший танец в их жизни. С тех пор всегда лезгинка, где бы ни звучала её мелодия, напоминала им *ту* лезгинку. Это был их танец!

Вечерами они бродили по городу. С Потёмкинской лестницы, рядом с которой играл оркестр, всё выглядело, как на театральной сцене. С Приморского бульвара они наслаждались видом моря, порта. Сливались с толпой многолюдной Дерибасовки. Любовались оперным театром. И смеялись над всем, что хоть сколько-нибудь могло послужить тому причиной. Смешили забавные украинские слова, вроде – "спляча красуня" (спящая красавица) – на афише театра, или "Дэнь развагх" (день развлечений) – название Чаплинской короткометражки. Другой фильм был – "Дэнь получки". Фильмы эти они посмотрели, но на что-нибудь большее, серьёзное и долгое, идти не хотелось. Переживать что-то, кроме наступившей так недавно, слишком свежей, радости общения, было, ну, просто невозможно!

Вначале они говорили без умолку, перебивая друг друга. Каждому хотелось побольше рассказать о себе. Это было их как-будто естественной потребностью: будто было непонятно, как они могли столько времени до этого жить, совсем ничего не зная каждый о другом. А если на какую-то минуту замолкали, то ощущение близости и совпадения мыслей, даже при этом молчании, не пропадало.

Так постепенно, кирпичик за кирпичиком, начало создаваться неповторимое здание их любви, их счастья – фундамент их отношений. Фундамент этот потом, годы спустя, был основой того целого, которое при всех размолвках и ссорах (Как без них прожить жизнь в непростых условиях?!), удерживало их от разрыва, не позволяло переходить какую-то незримую грань, делало корабль их совместного счастья непотопляемым.

Позвольте здесь, в самом начале моего рассказа об их отношениях, высказать своё мнение, что оба они были уникально непохожи и одновременно уникально схожи. И вся эта история представляется автору одновременно и неповторимой и в чём-то до боли знакомой. В силу этих свойств их притягивало друг к другу, как два противоположных полюса магнита.

Ещё хочу сказать (не нашёл другого места, а в чём-то повторяясь), что оба они (Уж это для молодёжи того времени было характерно!) прожили непростые детство и юность, хотя любящие родители обоих делали всё, чтобы им плохого досталось поменьше. Чтобы не снижать

темпа, не будем вдаваться в малоприятные к тому же подробности их прошлого. Предоставим воображению читателя представить это так или иначе самому себе. И продолжим наш рассказ.⁶

С первого же вечера, как только остались одни, они начали целоваться. И так, как с ней, ему ни с кем не было приятно. Они целовались без конца, нежно ласкали друг друга. Потом он не раз вспоминал сравнение одного из классиков русской литературы, будто влюблённые "подобны двум лейденским банкам,⁷ поцелуями они разряжаются, а когда разрядятся полностью, прощай любовь". Но им тогда казалось, – и это чувство не пропало со временем, – что они так никогда и не пресытятся поцелуями.

Её крупный рот, пухлые губы казались ему верхом совершенства (и он в этом не обманывался). Любое прикосновение к ней убеждало его в бархатной нежности её кожи, в редком сочетании мягкости и упругости форм. Это доставляло ему неизведанное ранее и непередаваемое блаженное чувство. А то, что она не сопротивлялась его ласкам, всем своим видом проявляла и собственные чувства, было ему вдвойне приятно. Его возбуждение передавалось и ей. Своего состояния они не скрывали, да и не могли бы, если бы даже хотели, скрыть друг от друга. Но была всё-таки какая-то граница, которую перейти они пока не стремились. Им и так было хорошо. Правда, иногда он пытался как бы посмотреть на её поведение другими глазами, не заблуждается ли он в своём увлечении. В какой-то момент, дня через 2–3 их знакомства, ему даже показалось, что она вообще через многое прошла и ведёт себя так с ним не с первым. Поначалу он испугался этой мысли, но потом кое-как утешил себя. "Если так, – подумал он, – попробую и я вести себя иначе." Он в тот же вечер предложил ей прийти к нему в номер гостиницы, в надежде, что ответ разрешит все сомнения. Произнеся это, он мучительно надеялся на её отказ. А когда пауза затянулась, он уже начал бояться, что она обидится и что он всё испортил. Тогда он поспешил неуклюже сгладить предложение пояснениями, что хотел он что-нибудь купить и вдвоём поужинать, как дома. В её отказе не чувствовалось обиды. Простота, с которой она это сказала, отменила сомнения, и стало ещё радостней.

Потом ещё, и не раз, он возвращался к этим сомнениям, а сколько-то времени спустя понимал, что их причина – не в ней, а в нём, в его большом чувстве. В такие минуты он чувствовал себя очень счастливым.

Так незаметно быстро, и в то же время – незабываемо, пролетели, как один день и как целая вечность, эти восемь дней, чудесных дней августа из жизни двух молодых людей, которые до того совсем не знали друг друга, а теперь им казалось, что они не расставались с очень давних пор, а это только усиливало горечь разлуки и неопределённость будущего, при том, что каждый из них возвращался в свой дом, а дома́ их – в разных городах, расстояние между которыми – почти тысяча километров... И всё-таки не будем драматизировать события, ибо не делали этого, в сущности, и они. Оба они были молоды, здоровы, оптимистичны, верили в своё счастье, по большому счёту не сомневались, что будет так, как лучше, и знали, что вешать нос – только усугубить ситуацию. Поэтому они старались делать вид, и даже говорить слова, что расстаются ненадолго, что стоит только захотеть!.. Понимали они и то, что соединить судьбы, даже если они очень нравятся друг другу, надо после хоть какой-то проверки временем, какого-то испытания, чтобы не ошибиться. Так что, кто знает? Может быть такое расставание, – могли утешать они себя, – в чём-то ещё и к лучшему. Ясно было тем не менее одно: они ни минуты не сомневались до конца, надеялись, что как-нибудь всё образуется и они опять будут вместе.

⁶ В первой редакции книги автор первую часть её посвятил (что тоже упоминалось) пересказу отцом Вадима его прошлого. Но потом было решено, что это омрачило бы мажорный тон "симфонии".

⁷ Лабораторные приборы (если кто не знает), накапливающие электрический заряд, – первые электрические конденсаторы.

2

Позади осталась Одесса – город тепла и безоблачного неба, город солнца и моря, город юмора и хорошего настроения, город их любви – их город!

Каждый из них вернулся в свой город, к своим делам, своим родителям, своим друзьям...

Разлука – серьёзное испытание чувств. Не одно знакомство, несмотря на взаимные симпатии, оборвалось из-за того, что двое жили в разных городах... К тому же отпускные знакомства – вещь несерьёзная. У Вадима уже однажды, в студенческие годы, был печальный опыт, когда в доме отдыха ему понравилась девушка. Она проявила явную ответную симпатию, но... В последний день их приятного общения неожиданно для него она призналась, что в Ленинграде у неё есть друг и дальнейшие встречи невозможны. От этой душевной травмы он потом долго не мог прийти в себя. Но жизнь всё-таки плохо учит. Точнее, повторение риска неизбежно, ибо ведь кто не рискует, тот ничего и не добивается. Что Вадиму надо было бы делать после того случая? Больше не знакомиться? Не влюбляться? Да как тут можно что-то учесть, предвидеть?! Ведь каждый раз не похож на предыдущий, хотя бы уже потому, что имеешь дело с другой, все обстоятельства другие. Так что остаётся уповать на везение и прилагать всё возможное умение. Но что нужно?! Ведь кое-кого как раз слишком большая уверенность в себе, умение, и могут отпугнуть, оттолкнуть. В общем, оставалось ждать и надеяться, надеяться и ждать, верить... А что-нибудь делать уже было, увы, трудно, когда – в разных городах, в окружении соблазнов, других людей. Чувство и память – насколько они сохраняют неизгладимость впечатления от их короткого знакомства, – вот всё, что осталось. Ну, можно постараться подогреть их перепиской... Но как трудно какими-то листочками бумаги пытаться что-то сохранить, а уж усилить, исправить – и вовсе-то надежды нет!

Да, повторю, разлука – серьёзное испытание чувств... И переписка – всё, что оставалось нашим героям. Конечно, мы теперь могли бы последовать за ними и в Ленинград, и в Москву. Но что бы мы там увидели? Их жизнь вдали друг от друга? Нетрудно понять, что, расставшись, они продолжили ту же жизнь, какую прервали на время.

И хотя возвращались они вроде бы и теми же, но с этого времени, после недели (всего недели!) их общения, они были уже в чём-то другими: в каждом зародилось то чувство, без которого не было бы и нашего рассказа. И в нём, в этом чувстве, им предстояло ещё и самим-то разобраться. А проследить за этим, подсмотреть людям посторонним, вроде нас с вами, как правило не удаётся. И кто знает? Может быть, тот случай, которым на этот раз я решил с вами поделиться, действительно уникален. Всякому понятно, что юноша и девушка, как правило, откровенные беседы ведут **tet-a-tet**. Другое дело – письма. Молодые люди, да ещё и неравнодушные друг к другу, вынуждены доверять сокровенное бумаге, а потом стараются сохранить дорогие весточки. Поэтому нам с вами и оказалось возможным заглянуть в них. Да ещё так повезло, что – в письма обоих!

Интересно представить себе, что в течение целых девяти месяцев эти весточки проносились навстречу одни другим, со скоростью железнодорожного поезда, – во встречных поездах.

Итак, вдумайтесь, можно ли документировать диалог двоих, в течение всего их знакомства, иначе, чем удалось автору этой книги. Очевидно, что нет. Да ещё и обоих! Поэтому эта книга и уникальна!

Обращаю внимание современного читателя, повторю и это, что если раньше люди больше читали художественной литературы и оттуда черпали информацию об окружающем мире, то теперь, подчас, из телевизионных новостей и групповых обсуждений, из интернета, мы узнаём такое, чего не мог бы выдумать никакой фантаст. Многие уже почти не читают художественную литературу, а довольствуются документальным кино, новостями по ТВ и радио, интернетом, смотрят такие передачи, как, например, "Время покажет", "Пусть говорят", "60 минут" и т. п.

И если первым читателям рукописи книги, которая перед вами, не было сказано, что здесь использована подлинная переписка, то теперь сочтено целесообразным сообщить об этом читателю, именно с уверенностью, что интерес к ней будет ещё выше!

* * *

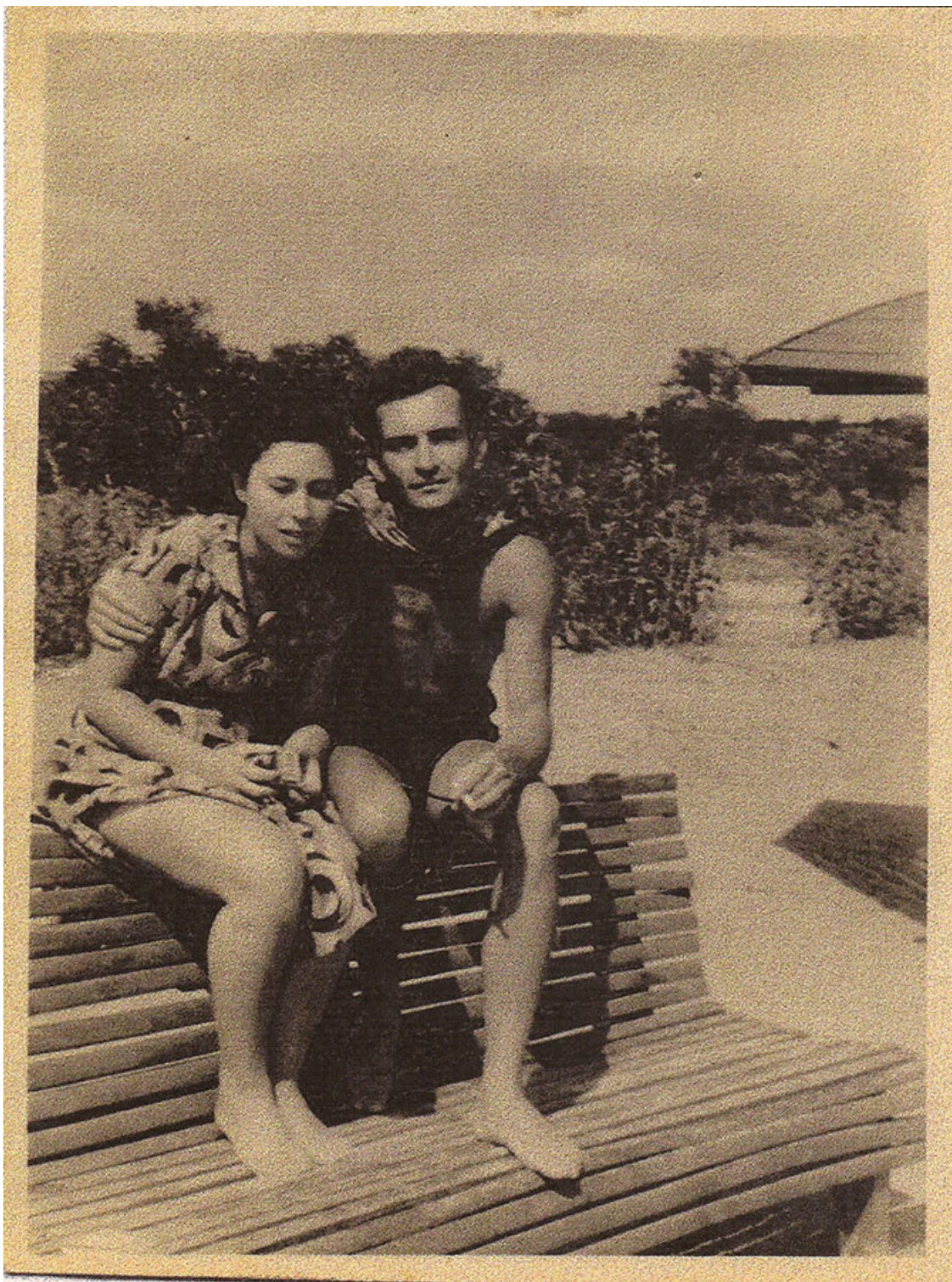
Первое письмо, которое не сохранилось, Вадим сел писать сразу же после того, как поезд отъехал от Одессы в сторону Ленинграда. Не знаю, какое впечатление он производил на соседей по купэ. Может быть, его вдохновенное творчество уже привлекло внимание. Во всяком случае, пока он не закончил и не опустил конверт в почтовый ящик на первой же большой станции, он никого и ничего не замечал вокруг. И только после этого, чтобы развеять надвигающуюся тоску, заговорил с соседкой по купэ – шестнадцатилетней девушкой из Риги. Она назвалась Инной. Инна – имя, с которым судьба чаще всего сталкивала Вадима.

Здесь отмечу, что я отнюдь, сознательно, не ограничиваюсь только письмами и делаю некоторые отступления, чтобы читатель лучше понимал и обстановку и особенности моих героев. Этим и объясняются некоторые отступления, в частности, – этот рассказ о его попутном знакомстве с другой девушкой. Итак, продолжаю.

Об именах среди знакомых девушек Вадима. Большинство девушек, обращавших на себя его внимание, с которыми он потом знакомился, оказывались именно Иннами, Ирами... Потом он даже начал думать, что если когда-нибудь женится, то именно на Инне или Ире. Правда, несколько позже он отметил, что нередко у новых знакомых были имена, в которых две последние гласные тоже были «и» и «а», например, Инга, Лина, Эвелина, Нина и т. д. и т. п., и с тех пор допускал «суженую» из этой, более широкой, серии. В какой-то момент, при этом знакомстве в поезде, он успел подумать, что его новая одесская знакомая тоже не выпадает из этого ряда, и успокоился.

От нечего делать он начал развлекать новую спутницу рассказами о будто бы своих увлекательных приключениях во Франции и Африке, которые, вспоминая прочитанное, выдумывал на ходу. Сам того не подозревая, он увлёк её почти детское воображение, и она всю дорогу не отходила от него и всё спрашивала: "А что было дальше?"

Я специально отвлёкся, чтобы показать вам, что Вадим отнюдь не выглядел горемыкой, от которого оторвали любимую девушку. Он был – как во сне и ничего ещё толком не понимал в случившемся.

Вот теперь я, кажется, всё вам рассказал перед тем, как предоставить обещанные письма.

И всё-таки не дополнить ли вам ещё что-нибудь о моих героях, скажем, внешность? Ведь в кино об этом – каждый кадр. А здесь надо бы представить и запомнить на всё время чтения!

Можно было бы положиться на воображение читателя. Ведь всякому ясно, что если они познакомились на пляже и с первого взгляда понравились друг другу, то это уже говорит о многом. Не прада ли?

Передо мной – фотокарточка того времени (См. фото "В первые дни знакомства"). А я уже сказал вам, что всё началось в 1956 году. Пусть вас не смущает, что с тех пор прошло

несколько десятков лет. Напомним слова Есенина: "Лицо к лицу – лица не увидать, большое видится на расстояньи..." Добавим ещё, что письма подобны вину: чем старше, тем ценнее.

Так вот, они сидят рядом друг с другом на спинке садовой скамейки, в пляжных нарядах. Он слегка склонился к ней и прижимает её к себе, обняв за плечи, правой рукой, а в левой (Простим ему эту показуху) держит папиросу. По снимку видно, что они оба – брюнеты. И не видно, так как они сидят, какого они роста. Добавлю от себя, что он выше среднего роста и выше неё на полголовы. Что же касается их лиц, то позвольте автору отметить главное, относящееся к ним обоим: очень выразительные, карие, сразу же привлекающие внимание, глаза. А как известно, глаза – зеркало души. Насколько это верно в нашем случае, судить вам по тому, что вы дальше прочтёте. Добавлю ещё, что мои герои нравились, как правило, с первого взгляда. Сами они считали, что у них есть трудноисправимые, хотя и не всем заметные, недостатки. К таким недостаткам относили она – излишнюю полноватость, а он – длинные ноги. Но с годами они, наконец, поняли, что у неё это – округлость форм, которой многие другие женщины завидуют, а длинные стройные ноги и вообще – то, чего многим не хватает для полного счастья.

Теперь вы знаете о моих героях ровно столько, сколько я хотел вам о них сказать перед тем, как выполню обещанное. И я со своими рассказами отхожу на задний план. Разве что при случае что-нибудь поясню или оттеню, так как далее я отвожу себе роль комментатора. А вы постигнете, как радовались жизни, любили, молодые люди в то особенное время, когда (повторяю) были позади недавние ужасы сталинских репрессий, мировой бойни...

Конец первой части.

Часть вторая
Испытание разлукой, или Душ
доверчивых признанья (Doloroso⁸)
Конец лета, начало зимы пятьдесят шестого

*"Дело второе – добиться любви
у той, кого выбрал..."
"Так посылай же письмо,
утоляющей полное лести, —
Первой разведкой души
трудный нащупывай путь."
"Если прочтёт, а ответа не даст, —
подожди, не насилуй:
Ты прищипи её глаз
к чтению ласковых строк.
Та, что хочет читать,
захочет потом и ответить, —
Всюду своя черед,
всё совершается в срок."
"А сочиняя письмо,
перечитай каждую строчку:
Женщины видят в словах большие,
чем сказано в них..."
Овидий. "Наука любви".*

1

И никак не обойтись без этого комментария по сути.

К сожалению, в ваших руках не могут оказаться подлинные письма моих героев. Приоткрою только то, о чём уже писал, что без достоверной основы и полной уверенности автора в правдоподобии приведённого здесь не имело бы смысла и переводить бумагу. Более того, можете не сомневаться, – цель автора столь благородна, что будь даже всё здесь, вплоть до имён, сущей правдой, и то не должно было бы быть ничьих обид.

* * *

А теперь приступим к письмам. Вообразите себе объёмистую пачку. Их – более ста. Все они были разложены по датам. На конвертах поначалу – обратные адреса и фамилии: Вадим Миротворов и Марина Михайловская. Но уже после каких-нибудь десятка писем они ограничивались инициалами, а потом ставили только номограммы из первых букв имён и фамилий, латинскими буквами. Получались переплетения из букв: у него – W и M, у неё – M и M.

Ещё отмечу, что по ходу чтения вы сможете заметить, что содержание переписки во многом совпадает с советами Овидия, приведёнными в эпитафиях из его творения "Наука любви". Понятно, что авторы писем с ним не сговаривались, но в то же время, это очень показательно, – что залог успеха – в следовании определённым законам.

⁸ Печально, скорбно, страдальчески (ит.)

Первым, как видим, написал Вадим, и почти одновременно – Марина. Следите за датами. Они тоже показательны.

13.08.56 г.

Дорогая Мариночка!

Как твоё самочувствие? Отдыхаешь ли без меня?

А я, конечно, уже окончательно выспался. Наш поезд опаздывает, поэтому иногда мы подолгу стоим на разъездах в ожидании встречных.

Только что я минут 20 сидел на травке (Сейчас – 7 часов вечера.). Решил, наконец, окончательно и уж наверняка, выяснить, как же ты, дорогая, ко мне относишься. Вышло, представь: "своим назовёт".⁹

Места комариных укусов настойчиво напоминают мне (Ведь меня комары тоже кусали, хотя ты, очевидно, вкуснее.) о счастливых минутах, проведённых с тобой.

Нас сопровождает довольно мрачная, отличающаяся сплошной облачностью, погода. Это заставляет меня невольно беспокоиться, что тебе, милая, при такой же погоде у тебя, не удастся догнать меня в цвете кожи.

[Хочется ещё отметить сразу обстоятельность и нежность в обращении Вадима в его письмах. Понятно, что он старался, чтобы сохранить их связь. Но именно этим и интересна их переписка, что они выбирали что-то интересное для другой стороны, что к тому же может заинтересовать и читателя. – Авт.]

Купэ, в котором я еду, лучше остальных, т. к. в нём едут молодой человек Толя (учится, из Одессы) и 16-летняя девушка Инна, с которыми я и коротаю большую часть свободного времени.

По поезду я не проходил, но встретился с одной девушкой, одесситкой Людой, которая в прошлое воскресенье располагалась рядом с нами в Лузановке. У неё несколько монгольский тип лица: немного широкое в скулах, с прищуренными глазами. Она интересовалась, где мои друзья и кто была "девушка в зелёном купальнике" (точнее – откуда).

А как, Маринка, ты себя чувствуешь? Если будет охота, напиши мне после приезда в Москву о себе и знакомых мне одесситах. Ладно?

Тебя, дорогая, мне здорово недостаёт. Вспоминаю твои губки.

Вадим.

14.08.56 г.

Милый Вадька!

Хотелось бы вместо всей этой писанины крепко обнять и поцеловать тебя, но увы, ты далеко от меня, а крылышек у меня нет.

Сегодня – первый день в Москве. Стоит чудесная погода, и я уже успела побывать на стадионе «Динамо» и посмотреть футбол.

Сегодня вечером хотела пойти на бал, но получила от тебя письмо,¹⁰ и это, поверь мне, лучше всякого бала.

Вадька, милый, ты не можешь представить, как мне приятно получать от тебя письма и хотя бы поэтому не будь эгоистом, пиши.

Я очень часто вспоминаю тебя, о наших встречах, о которых кроме хорошего сказать нельзя. Да, последние дни в Одессе я провела однообразно и скучно, значит, не интересно.

⁹ Гадал на ромашке.

¹⁰ Судя по датам, письмо Вадима от 13-го – второе, а первое письмо, о котором пишет Марина, не сохранилось.

Виктор после твоего отъезда больше не встречался с Люсей. Кстати, у Люси действительно волосы окрашены, так что ты, кажется (хотя я в этом и не сомневалась), лучше разбираешься в женщинах, если так можно выразиться, чем я.

В поезде было очень весело, поэтому выспаться мне не пришлось. Вероятнее всего, отдохну в Москве. В Москве все говорят, что я очень хорошо выгляжу и загорела тоже ничего. Это, конечно, мне льстит.

Вадька, милый, мне многое хотелось бы сказать тебе, но я не люблю доверять бумаге слова, которые должен услышать всего один человек [Вот, если бы написала, мы бы и подсмотрели!]: бумага этого не заслуживает, и вообще нужно ли много говорить? Когда много говорят, кажется всё не искренним и не откровенным, а я больше всего боюсь этого. Вообще, Вадька, я пишу какую-то муру. Поэтому лучше на этом кончить. Пиши мне, Вадька, как ты проводишь время.

Целую тебя (Может, это банальность, во всяком случае я этого не чувствую).

Марина.

16.08.56.

Дорогая Мариночка, здравствуй!

Последний день моего отпуска подходит к концу. Сейчас я у моего приятеля. Сам он вчера уехал в Москву. К нему домой, кроме меня, пришёл ещё один, и мы слушаем передачу "Голубого джаза". Сейчас – перерыв. Передача – по телевизору. Вообще – интересный оркестр. Это – не то, что надоевшие мне южные скрипки. Пять саксов, пять тромбонов, 5 труб!!! В 1-м отделении нам больше понравился блюз "Золотой саксофон" (Продолжаю уже в институте, т. к. тогда перерыв кончился и свет был погашен). Второе отделение было немного интереснее. Хорошо исполняли Итальяну", «Стамбул» и др. вещи. Здорово пела Кармен Морено, а позже она же чудесно отбивала чечётку. Да, ещё чудесная песня в исполнении солиста француза "Пчёлка и мотылёк"! Она кончается русскими словами: "Если в сердце твоём любовь, счастье будет с тобой". Приятель, с которым мы были, сам играет на саксе и кларнете, так что было с кем поделиться. Мать же уехавшего в первом отделении удивлялась, чем здесь можно наслаждаться, а во втором отделении уселась поудобнее на диван и уснула. Проснулась она, очевидно, от внезапной тишины, наступившей после окончания концерта, и, ничуть не смущаясь, но совершенно сонным голосом заявила: "Ещё второе отделение было получше!", чем нас обоих рассмешила.

Сегодня джаз выступает на открытой эстраде в центральном парке. Если ничего не надумаю лучше, схожу.

Эти две недели пролетели для меня очень быстро. Чертовски (Всякое более деликатное слово слабо выражало бы, насколько.) хочется видеть и чувствовать тебя рядом. Плохо, что ты не можешь меня слышать. Ведь просто словами можно сказать очень мало. Хотелось съехидничать интонацией и заявить, что ты, конечно, не сомневаюсь, тоже хочешь видеть и чувствовать меня, но потом решил этого не делать, т. к. ты, чего доброго, на бумаге этого не поймёшь и примешь за глупую самоуверенность.

Сегодня 16-е. Успела ли ты за эти дни настолько перестроиться, чтобы с новыми силами жалеть о новом расставании?

Да! Пару слов всё-таки о последних двух днях. Позавчера вечером мне было довольно тоскливо. Приятели сагитировали меня пройтись в Мраморный зал. Жалею, что пошёл. Джаз играл средне. Народу было дико много, было жарче, чем в Одессе. В общем, убил время.

Вчера днём смотрел «Анаконду» и журналы, в том числе "Иностранную хронику" № 10. Поразительно! Если не видела, взгляни.

Пока кончаю. Хотел быстренько написать пару строк, а вышло слишком много. Ведь я, как ты помнишь, люблю получать письма, но не писать.

Прости мою небрежность почерка, т. к. аккуратно писать слишком долго. /Голова кружится от желания быть с тобою.

Целую тебя, если ты этого ещё желаешь и куда желаешь./К.)

Пиши о своих приключениях.

Жаждающий тебя В.

К.) Простите герою откровения в чувствах. Они и есть "музыка любви". Именно поэтому третий тут – лишний. Если она вас раздражает, не читайте текст в прямых скобках. Ведь это не выдуманно, а взято из подлинных писем.

28.08.56.

Маринка!

Пришёл домой несколько уставшим, т. к. ночью не выспался. Думал сразу лечь на часок. Но... твоё письмо. Оно такое тёплое! /Я как-будто почувствовал нежные твои ручки и чудные губы/.

Мне с тобой было очень хорошо, но уехал я почему-то беспокойным. У меня такое чувство, что я не знаю о тебе чего-то очень важного или что-нибудь не так понимаю. И опять же это твоё письмо. Я его сейчас читал и читал, невольно ловил себя на мысли: неужели это кончается второй лист? Сейчас его переверну, и всё?.. Ах! Нет! Это, оказывается, кончился только первый! Ура! Впереди ещё больше страницы!..

Я быстро пролетел глазами всё до конца, но сознанием зацепился за одну фразу. Начал перечитывать... Ну, что ты будешь делать?! Опять загадка!.. Вот твои слова: "... и вообще, нужно ли много говорить? Когда много говорят, кажется всё не искренним и не откровенным, а я больше всего боюсь этого".

Чего ты боишься? Что мне покажутся "не искренними и не откровенными" твои слова? Ты боишься, что я поверю твоим словам? Так что ли? Как-будто ты говоришь, а затем тут же предупреждаешь, чтобы я не слишком-то верил. А может, ты просто боишься быть со мной слишком откровенной?..

[Надо полагать, что влюблённый Вадим настолько боится потерять Марину, что начал фактически придирается к её нормальным словам. – Авт.]

Маринка! Я до сих пор, как мне кажется, неплохо разбирался в людях и в себе. А тут я чего-то не понимаю. А в общем у меня такое чувство, какое бывает после чудесного сна, мучительно похожего на реальность, который был внезапно прерван, или какое бывает у очень близорукого человека, который всё вокруг видел и ощущал, и вдруг к нему подкрались сзади и сдёрнули с него очки, – он беспомощен, так как не видит, не ощущает того, что, казалось, только что было у него в руках, он знает, что всё это попрежнему где-то рядом, где-то есть, но... беспомощно шарит руками и не находит.

Маринка! Мне нужно тебя видеть. При первой возможности я хочу быть с тобой. Хотел просить тебя не писать мне «головокружительные» слова, если

ты так же пишешь ещё кому-нибудь. А потом подумал: а вдруг она в самом деле разговаривает с кем-нибудь так же, а "убедительная просьба" на неё подействует, – и решил: пусть пишет.

Как бы там ни было, у меня такое чувство, что ты понимаешь меня лучше, чем кто-нибудь другой; когда я с тобой говорил или молчал, мне было одинаково хорошо, потому что я был уверен, что любое моё слово и интонацию ты поймёшь, я чувствовал тебя рядом не только физически. А ведь чаще всего девчонки, обращающие на себя внимание, или глупы, или во всяком случае прямолинейны и просты в своих чувствах (если последние ещё способны проявляться), менее же привлекательные так же не интересны, т. к. так же прямолинейно прилипчивы и надоедливы.

[Опять делаю вставку. Перечитываю это десятки лет спустя. И думаю, что современная молодежь уже так детально не обсуждает свои отношения, как это было тогда, когда зачитывались классической литературой, в которой основной темой и является любовь. И подчеркну ещё раз, что это – подлинная история, в которой настолько сильны были чувства, что разлучённые не знали, что им делать, чтобы не недосолить или не пересолить. – Авт.]

Если человек не очень нравится, то он заинтересовывает иногда хотя бы некоторым безразличием с его стороны к твоей персоне.

[Но об этом они только рассуждают. А на деле у них – взаимное притяжение, тем большее, чем больше каждый из них чувствует любовь другого. Вспомним Пушкина: "Чем больше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей". – Авт.]

А стоит убедиться, что ты ему очень нравишься, так сказать, самолюбие удовлетворено, и дальше с ним уже скучно.

С тобой же не так. Чем приятнее тебе со мной, тем лучше мне с тобой.

В общем, дорогая, я написал 4 листочка и ничего не написал о себе. Напишу в следующем письме. Всякая же весточка от тебя, так же как и мысли о тебе, заставляет ныть моё сердце. Пиши хоть понемногу, но чаще. Желающий быть с тобой, Вадим.

25.08.56 г.

Милый Вадик!

Помня твою просьбу, стараюсь не писать "головокружительных слов". Конечно, мне бы хотелось, чтобы ты меня понимал, как раньше, и чтоб не требовалось особых объяснений (правда, тебя можно простить, т. к. ты не выпался), и вообще я тебе советую читать письма на "свежую голову".

И всё-таки, что тебе не понятно? Не понятны слова, которые ты приводишь в своём письме? Могу одно тебе сказать, что многие люди недооценивают откровенность и искренность в человеке, а вообще советую тебе, милый, без внимания пропускать такие строчки. Мне только одно хочется от тебя, Вадим, чтобы ты верил мне. А иначе зачем тогда переписываться?

Живётся мне ничего. Недавно была в театре кино-актёра. Смотрела немой вариант «Месс-Менд», в трёх сериях. Чудесный фильм! Завтра пойду смотреть французскую живопись; ты, вероятно, о ней читал в газетах. Вот так в основном протекают мои свободные дни. А как ты проводишь время и с кем? Кто тебя окружает?

Удивительно, Вадька! У меня тоже есть такое желание – увидеть тебя, что мало вероятно.

Сейчас я вспомнила «Зерновую», мне так хочется вернуть последний день!.. Ой, сейчас моя пустая голова опять опять плести слова, которые вдруг ты не поймёшь, поэтому пока на этом кончаю. Пиши мне, Вадя. А вот теперь не знаю, целовать тебя или нет, т. к. боюсь, что это слово относится к "головокружительным".

Марина.

26.08.56 г.

Драгоценная Мариночка!

Сейчас – 10 часов вечера. Я побродил по городу и решил пойти домой. Мама, пока она в отпуске, собирается шить мне куртку и намекала, чтобы я как-нибудь на пару часов побыл дома. Вот я пришёл, а она занята другим делом. Сел, подумал, кому бы написать. ЛДругим нужно, но не так приятно. И вот – пишу опять тебе.

Маришка! Ты мне об Одессе написала всё-таки мало. Хотелось бы знать, встречались ли вы в течение последних дней на том же месте Лузановки, почему перестали встречаться Виктор и Люся, почему тебе было скучно. Впрочем, если лень писать об этом, не пиши.

А я сейчас посилено наслаждаюсь прелестями позднего лета. Сегодня ездил днём в одно место. Я не торопился, наслаждался хорошей погодой и смотрел глазами приезжего на родной город, пытаюсь сравнить Ленинград с Киевом, Одессой и др. городами. Какие всё-таки изумительно красивые места есть в нашем городе! Ну, в Киеве – Крещатик, ну, приднепровские парки, и всё. А здесь, – в местах у Невы, – что ни место, то новый чудесный вид. А как всё-таки много зелени, и как она несравнима с Одесской! А сколько цветов! И какие они разные!

А что, Маринка, за бал, на который ты хотела пойти или ходила?

Заходил сегодня Марик, мой приятель, будьте знакомы, и потребовал, чтобы я не занимал воскресный вечер, т. к. он хочет (Ах, чёрт возьми! Если бы ему быть немного выше, то он не хотел бы, как он говорит.), так вот, он хочет познакомить меня с той самой особой, которая, как я тебе рассказывал, однажды покорила всех мальчиков в компании простотой нрава. Может быть, любопытства ради, заскочу посмотреть.

Но, Маринка! Я хочу быть с тобой, а не с кем-нибудь другим. Когда чего-нибудь страстно желаешь, можешь успокоиться только тогда, когда пресытишься. Не знаю, мог ли бы я тобой пресытиться, но мне очень этого хотелось бы, так было бы спокойнее. Сейчас слушаю из приёмника типичный буги-вуги (Мне бы сейчас, дорогая, тебя и чуточку денег, мы бы немного развлеклись). Да, пять недель отдыха что-нибудь да значат, в кармане пока немного пустовато, но об этом – только тебе под строжайшим секретом, ленинградские девочки об этом не должны знать, как-нибудь обойдёмся.

А я, нет-нет, да и вспомню вдруг какую-нибудь деталь из наших встреч, например, как мы с тобой целовались на заднем сидении тряского автобуса, довёзшего нас до Ярморочного, или как ты поцеловала меня, когда я рассказал, что впервые влюбился в 7 лет, или наш «откровенный» разговор на пляже, или наша «размолвка», когда я так нелестно тебя назвал! (Чёрт возьми, до чего хороша музыка!) Или твои оригинальные реплики. И опять же размышляю, как бы ты себя вела, если бы я вёл себя несколько по-иному.

Ну, ладно, Маринка, думал написать пару листочков, потом вырвал ещё один, хотел им кончить, затем – ещё один. Пока не надумал что-нибудь ещё, спешу кончить.

Пиши мне о себе, Маринка! Напиши мне, не могло ли бы так случиться, чтобы ты, скажем, приехала на праздники дня на 3–4 в Ленинград или что-нибудь в этом роде?

Единственный ли способ увидеть тебя в ближайшее время – это приехать в Москву? Или даже встреча со мной в Москве тебе почему-нибудь была бы не очень приятна? Напиши, чтобы я на всякий случай знал.

Целую тебя так, как приятно целовать только тебя, славная Маринка!
Вадим.

29.08.56 г.

Дорогая!

Вчера наслаждался твоим письмом и спешу ответить.

Сейчас 12 часов дня. Меня выпустили по разным делам в город. А я перед делами зашёл в библиотеку, чтобы сказать тебе пару слов.

Милая Маринка! Ты пишешь, что хотела бы, чтобы я понимал тебя, как и раньше, и чтоб не требовалось особых объяснений? Хорошо! Чтобы верил? Хорошо! Но, Маришечка! Мне очень хочется знать о тебе, о твоих разклеваниях, развлекателях. Мне кажется, мы с тобой были достаточно откровенными во времена Дерibasовской и Зерновой. Хотелось бы, чтобы это было и сейчас, и тем более, что это – пока всё, что остаётся в наших отношениях /т. к. физическая близость остаётся пока в желаниях и мечтах/. На мой вопрос, как бы ты отнеслась к моему приезду в Москву, ты, правда, тоже ничего не ответила. Что, не знаешь?

Недавно вспомнил, как фотографировал тебя в Аркадии «декольтированной», Желание проявить плёнки возросло, но пока по инерции после отпуска не сидится дома.

А «Месс-Менд» у нас не будет идти? Ну, а французская живопись? У нас в Эрмитаже – выставка поляков. Надо будет пойти.

Маринка! А когда я слушал пение Марио Монти, я вспомнил тебя:

"Ты где-то рядом,
И я не так одинок..."

Последнее время я большей частью бываю с одним из моих приятелей.

Он сейчас в отпуске. Это тот, который играет на саксе. Завтра мы думаем, если не испортится погода, пойти в Сад отдыха, где бывает иногда неплохо. Это небольшой сад на Невском, где чаще всего собирается "невская публика". Завтра там будет джаз дяди моего приятеля, будет петь Мизиано и т. п. Если есть желание и ты вечером не занята, можем пойти вместе. Согласна?

В воскресенье думаю пойти на концерт джаза Абхазии.

Вот пока, дорогая, и все мои новости.

Ах, Маринка! Я многое отдал бы, чтобы вместо новых малоинтересных знакомств продлить встречи с тобой.

Пиши мне, славная, пусть это хоть немного скрасит разлуку с тобой.

Целую твои очаровательные губки.

Твой Вадим.

Р. S. Маринка! Пиши мне подробнее и откровеннее. Буду отвечать тем же. Ладно? Пиши обо всём, мне всё интересно.

С приветом, В.

01.09.56 г.

Вадька, дорогой!

Я, разумеется, всегда очень рада получать от тебя письма. Вот лежит передо мной твоё последнее письмо. Попробуем анализировать его (не детально, т. к. на это требуется много времени). Да, письмо большое, – 7 листочков, и написано оно явно в состоянии опьянения. Неужели сия дама так опьянила Вас?

Бедный Ваденька! Как велика у тебя переписка! Ты, наверное, не успеваешь разобрать всю корреспонденцию. Советую нанять штатного секретаря. Ах, да! Совсем забыла, у тебя ведь сейчас нет денег, может быть тоже «обойдётся», как с ленинградскими девицами.

Теперь насчёт пресыщения. На всякое хотение есть терпение. Что ж делать, дорогой? Придется "пресыщаться девицами "простого нрава". А вот эта твоя фраза: "И опять же размышляю, как бы ты себя вела, если бы я вёл себя несколько по-иному". Слова эти требуют разъяснения. Если толковое объяснение получу, постараюсь ответить (И ты постарайся объяснить).

Большое спасибо за приглашение, но я не могу планировать своё время на 2 месяца вперёд (Я не получила экономического воспитания, я только "бедный химик"). А вообще желательно, чтобы я тебя видела в Москве. Ты спрашиваешь, почему не встречались Виктор и Люся. Ну, наверно, пресытились. О себе напишу в другом письме. Так как я не получила ответа по поводу поцелуя, не знаю, разрешается ли мне это. А вообще, говорят, не нужно злоупотреблять поцелуями.

Марина.

04.09.56 г.

Славная Мариночка!

Ты интересуешься моей корреспонденцией. она не так уж и велика. Так, вчера у меня был праздничный день: получил целых два письма, из них одно от тебя (!!!) Правда, из него о тебе, дорогая, я узнал не очень много, но твоё обещание написать о себе в следующем письме заставило меня тем более спешить с ответом (Ведь ты знаешь, как я люблю получать письма.).

А что до денег и девиц, о которых ты пишешь, то я обхожусь временами и без того и без другого. Например, в воскресенье, как и собирался, вечером ходил на джаз Абхазии. А так как не нашёл «достойную», то на виорой билет пригласил приятеля, и мы с ним чудно провели время. Джаз играл довольно неплохо, правда, «Голубой» лучше. А днём в то же воскресенье, часов в 11, меня разбудили. Погода была примерно такая, как в тот день, когда с утра ты приехала ко мне на Спуск. Пришли приятели и потребовали, чтобы я спешил, а то пойдёт дождь и нам труднее будет выбраться. И хорошо, что мы поспешили. Как только мы приехали в Центральный парк, добрались до спортплощадки и остались в спортивной форме, пошёл дождь. Но он нам был уже безразличен, – мы играли в волейбол. Так мы провели время до вечера. А вечером – Сад отдыха. Кстати, с Саду теперь каждый день играет джаз. Довольно хорошо. Танцуют по-разному, включая ультра современные стили.

Мне надоело болтаться. Сегодня отдыхаю дома. Милая Мариночка! Пока-то мы дождёмся от меня новых карточек! Надеюсь, ты помнишь момент, когда спросила меня, пришлю ли я тебе карточку, и сама обещала. Помнишь? Жду с нетерпением.

Дорогая! Насчёт нашей встречи ясно только одно: что я хочу её как можно скорее, но как можно, пока не ясно. Ты робко спрашиваешь, разрешаю ли я тебе поцеловать меня. Милая! Знала бы ты, как я хочу этого! /Курьёзный парадокс: Когда я думаю о тебе с открытыми глазами, твоя близость при наших встречах кажется мне сказочным сном. А закрою глаза, – кажется, что вот ты совсем рядом и я чувствую твои такие приятные поцелуи в шею и в губы./

Ах! Что может быть приятнее женского поцелуя?! Твоего поцелуя! К.)

Твои, очевидно, мудрые высказывания о том, что не следует злоупотреблять поцелуями, – не для меня, Я тебе уже говорил, что любая ласка мне была бы только приятна.

Целую тебя, дорогая. Пиши.

В.

К.) Комментарий к письму от 4.09.56 г.

Позвольте здесь дать комментарий о «неприкосновенности» писем.

Читателю, очевидно, понятно, что по современным меркам отношения Вадима и Марины отличались чистотой. Но по понятным же причинам, Вадим старался так или иначе задевать «эротические» вопросы, понимая, что одними описаниями Ленинграда и своих походов симпатии Марины не привлечь, не удержать. Думаю, что изымать такие «интимные» фразы тоже было бы не лучше. Кроме того, "ласковых слов" поубавить – нет смысла. Ведь это, – признания в любви, – единственное оружие Вадима на расстоянии. Как видим, те, к кому они обращены, не обмолвились ни словом недовольства и, тем более, – возражений. Оставим и мы их в тексте. И да простят нам это строгие критики и те, кто избегает «сладких» речей в жизни и литературе. Да, мы к таким речам просто не привыкли и считаем, что в жизни "так не бывает". Так вот, бывает! И не лучше ли, если будет почаще и побольше? По мнению автора, всё, что имеется в приведённых письмах, тем более, что, как вы увидите, оно привело героев к счастливому итогу, жизненно, и не подлежит переработке. Это – особенно в наше время, когда оказываются «приемлемыми» и «жизненными» даже книги, насыщенные и откровенным сексом и даже, увы, – нецензурными выражениями. Думаю, что в конечном счёте судьёй в наше время должен быть читатель.

8.09.56 г.

Ваденька!

Вчера получила от тебя письмо и вот отвечаю. Милый мой ленинградец, как мне скучно без тебя! Как бы я хотела тебя увидеть! Ведь прошло уже много времени. Странно, переписываемся, причём ни ты, ни я не любим часто писать (как это выяснилось из разговора на "Зерновой"). Ты знаешь? На-днях еду в институт, и вдруг вижу тебя. Я, конечно, подбежала, что-то крикнула и даже схватила тебя за руку... и потом пришлось извиниться. Он – твой двойник. После он меня проводил, мотивируя тем, чтобы подобных инцидентов не повторилось, и очень сожалел, что он – не Вадим.

В последних твоих письмах ты настойчиво просишь, чтобы я рассказала о своих развлечениях и развлекателях. Если хочешь, расскажу. После твоего отъезда я была в компании Виктора. Бесились, как могли, фотографировались, в общем старались быть весёлыми. В последний день моего пребывания я познакомилась с 17-летним юношей (Пожалуйста, не улыбайся.). Из разговора

выяснилось, что он едет со мной в одном поезде. Он – очень не глупый мальчик, какой-то мечтательный и впечатлительный. Не скрою, он мне немножко понравился. Два дня в поезде он был около меня. А, подъезжая к Москве, он заявил, что любит меня. Я обычно такие вещи пропускаю мимо ушей, а здесь я ему поверила и здорово растерялась. Его мамаша, с которой он меня познакомил, начала просить, чтоб я его не обижала. Представляешь моё положение? Но после этой встречи он заявил, что он меня ненавидит, и я облегчённо вздохнула. Моя же мамаша говорит, что я с возрастом глупею и вообще – в семье не без урода. А несколько дней тому назад познакомилась с тремя "ультраמודными мальчиками". Они – репатрианты из Франции. У них очень интересные имена: Рэнэ (с прекрасными чёрными глазами), Отари (с чудесными усиками), Эмануэль (с модным клетчатым пиджаком). Все они по отношению ко мне очень корректны, поэтому я не хочу их обижать и встречаюсь с тремя. Уже была с ними в ресторане-поплавке «Дунай», расположенном на берегу Москвы-реки. Играл румынский джаз. Было здорово. Вот наиболее интересные знакомства.

Да, совсем забыла! Ты знаешь? Моя подруга, о которой ты слышал в Одессе (Валерия) уже «продана», по этому поводу был устроен грандиозный вечер, и я так натанцевалась, что свалилась и теперь лежу больная. А вообще, хорошо полежать в постели и от всего отдохнуть.

Вадька, и всё-таки ты очень хороший, ты – в тёмной ночке звёздочка. Обожаю тебя! Ты просишь, чтобы я прислала свою физиономию, а я не пришлю до тех пор, пока не получу одесских фотокарточек.

О твоём времяпровождении не трудно догадаться, поэтому я не настаиваю, чтоб ты мне писал о своих похождениях. Просто напиши, как ты себя чувствуешь. Где бываешь? Посылаю тебе две серии "Месс Менд",¹¹ третью пришлю позже. Фильм очень занимательный. А что стоит Игорь Ильинский! Я до сих пор хожу под впечатлением этой картины. У вас он не пойдёт, и даже наверняка, т. к. демонстрируется он по заказу актёров. 10/1X пойду на Эдди Рознера.

Это письмо – какое-то несвязное, большое, я как-то не могу собраться с мыслями, наверно, потому, что мне не здоровится. На этом кончаю, дорогой. Целую тебя крепко, крепко. Марина.

* * *

[Как видим, никто из этой пары пока не собирается перестать отвечать, хотя очевидно, они оба не скучали, – успевали и работать и развлекаться, да ещё оставалось время и на письма. Вадим заметно старался удержать её внимание некоторыми сомнительными высказываниями, и, как видно из её ответов, это ему удавалось.]

2

24.09.56 г.

Приезжаю с «картошки», увы, писем нет!!! Вадька, в чём дело? Может быть, с тобой что-нибудь случилось? А может быть, ты уже успел пресытиться

¹¹ В конверт были вложены рецензии, отпечатанные в типографии.

моими письмами? В том и другом случае очень прошу тебя черкнуть пару строчек, тем более, ты ничем не рискуешь, ведь мы живём в разных городах, и к тебе я прибежать не смогу. М.

P. S. Надеюсь, ты получил две серии "Месс Менд"*). Марина.

18.09.56 г. (Отослано 23.09.56 г.)

Драгоценная Маринка!

Я с большим удовольствием прочёл твоё письмо и хотел сразу же сесть и написать ответ, но в тот вечер торопился, да к тому же помнил, что накануне написаны 2 слова в открыточке, и решил – завтра.

Милая! Казалось бы, письма после недлительного знакомства не могут поддержать чувства на том же уровне. Мне же кажется, что с каждым твоим письмом всё сильнее желание быть с тобой, целовать тебя. Я не раз вспоминал тебя, например, вчера вечером. Девочки из нашего института предложили мне пойти с ними на «Гамлет» театра Маяковского. Об этом спектакле я много слышал и решил посмотреть Самойлова в роли Гамлета. Но мои спутницы! Они чувствовали и вели себя так, как на какой-нибудь кинокомедии. Довольно громко и явно невпопад пытались тут же комментировать происходившее, например, так: Во время сцены, когда Гамлет обличает свою мать, обвиняет её в измене памяти отца, одна из спутниц заявила: "Смотри, как играют камни в её перстнях..." и т. д. и т. п.

Всё это было настолько последовательно, что иногда я не выдерживал и просил их помолчать. Мне думается, что мы с тобой, дорогая, или молчали бы или разговаривали бы вместе. /Во всяком случае, минуты, когда мы молча сидели рядом, я вспоминаю как минуты блаженства, когда хорошо и без слов./

Дорогая! Начал я письмо 18-го, а сегодня 23-е. Как ни хочется мне получить дорогие строчки от тебя, я всё же не смог дописать письмо раньше.

Милая! Я бы мог, конечно, черкнуть несколько малозначащих общих слов и отослать тебе. Но такая переписка – не то. Можно написать две строчки: "Дорогая! Люблю! Целую тысячу раз!" Но думается мне, что если ты действительно дорожишь нашими отношениями, то тебе так же хочется знать немножко о том, что я думаю и чем занимаюсь. Вот поэтому-то и жду минуты, когда могу сказать: "Сейчас я более или менее свободен и могу поговорить с Маринкой".

Сегодня с утра приятели утащили меня в Центральный парк. Признаться, у меня было желание поехать куда-нибудь подальше за город, но подходящих спутников не было. За городом и в городских парках у нас (как, наверное, и у вас) просто чудесно! Осень поистине золотая. Стоят чудесные холодные, но солнечные, дни. В парке же мы с утра играли в волейбол.

Сегодня в парке – гулянье, но оно меня не прельстило. По дороге домой послушал несколько модных песенок в исполнении джаза и пошёл домой. Вчера вечером были на вечере 2-го курса инженерно-строительного института. Вечер был не очень хороший (радиола и пр.), но нам было неплохо.

Кстати, дорогая, ты продолжаешь занятия в институте? И как поживают твои развлечения? Было бы очень приятно думать, что ты с ними даже не целуешься.

За "Месс Менд" благодарю. Это было очень приятным дополнением к твоему письму. А как твоё здоровье?

Позавчера мы получили посылку из Одессы: дыни и виноград. Приходи – угощу. Правда, к моему дню рождения вряд ли что-нибудь из этого останется, ведь до 2-го октября – целых 10 дней. Ну, это не беда.

Тётя из Одессы пишет: "Я его (т. е. меня) видела, когда он спал. и немного – утром, а ночью его видел Серёжа (муж), когда открывал ему двери". И дальше: "Мне кажется, что он очень увлёкся здесь этой девушкой..." А затем: "Хлопот нам Вадик никаких не приносил, он всё был в походе: пляж и Марина".

Ну, и последняя новость, Маринка, это то, что я собрался уйти из института в одно ЦКБ. Что из этого выйдет, не знаю. Это связано с дополнительными переживаниями и хлопотами. Дело в том, что вначале меня полностью обнадёжили в ЦКБ, а затем, когда я уже подал заявление и имел длинные разговоры с местным начальством, секретарём парткома и начальником отдела кадров, пытавшимися меня уговаривать остаться, в ЦКБ мне заявили, что я окончательный ответ должен подождать, т. к. есть приказ директора о том, чтобы никого больше не принимать. В общем, поживём – увидим. Вот, Маришечка, пока и всё.

Пиши мне, славная. Целую тебя, твои губы. Целую осенние листочки, принесённые из парка, ведь их коснутся твои ручки! Будь здорова.

Вадим.

26.09.56 г.

Маринка! Голубка!

Получил сейчас твою записочку, – и как-то стало на сердце тепло=тепло. Не сможешь прибежать?.. Я бы много отдал, чтобы ты вместо этой записочки пришла ко мне сама и спросила: "Что случилось?"

Дорогая! После воскресенья я нигде не был и (великая вещь!) несколько вечеров был дома. Не хожу ни в театры, ни в кино. Всё дело в том, что там, куда я хотел перейти работать и где меня хотели (и хотят) взять, директор издал строгий приказ никого не оформлять. Тем временем я у себя в институте подал заявление и после долгих уговоров добился приказа директора об увольнении меня с 1 октября. Я не могу сказать, что нынешняя работа мне не нравится и всякая другая лучше, но то, что мне предлагали, действительно мне кажется лучше. Если меня и смогли бы взять на новое место, то не раньше, чем через 10 дней, и это никто не гарантирует. Поэтому уходить отсюда с 1-го – большой риск, т. е. можно и полгода проболтаться без работы (если искать что-нибудь порядочное). Видно, придётся говорить о том, чтобы меня пока оставили на прежнем месте. Вот в этом причина (в этих моих переживаниях) того, что моё брэнное тело перешло на время целиком в веденье рассудка, а сердце тактично отступило на второй план до лучших времён.

Но когда я получил твою писульку, мне, вдруг, захотелось /раствориться в нежности/К.), наговорить (написать – это не то) тебе множество самых нежных слов.

Ты уже, конечно, получила моё письмо. Пиши мне, славная! Ты – единственная, с которой, как мне кажется, я мог бы совершенно откровенно говорить обо всём, называть вещи своими именами. Мне думается, что всякая проза в твоём присутствии превратилась бы в поэзию. Мне, милая Маришечка, сейчас очень недостаёт твоих ласк. Пиши. Целую тебя всю много раз.

Вадим.

Какой я свин! Накатал тебе ещё письмо, в то время как несколько других уже больше месяца без ответа! В.

К) Эти три слова автор, под влиянием критики, было, выкинул, но потом всё-таки оставил: ну, что править безобидные «нежности»? Да к тому же здесь важно каждое слово; ведь при других словах всё могло закончиться совсем по-иному!

1.10.56 г.

Дорогой!

Как поднимается настроение и какую ощущаешь трепетную радость, когда получаешь от тебя весточку! Я так терпеливо ждала от тебя целых две недели письма!.. И невольно думаешь: ведь, когда едешь на юг, мечтаешь о новом знакомстве, об интересном увлечении и даже о легкомысленной любви, именно любви, ради любви, и только (я прекрасно знаю, что за этим никакой задержки не будет, что всё зависит от желания, притом гулять нужно так, чтобы было о чём вспомнить, как принято говорить). Так было и будет всегда. А приезжаешь домой – не те условия: нет пляжа, нет такого радостного экстаза и настроения, зато есть больше ресторанов, есть различные клубы и театры, а главное – есть девчонки (или мальчишки, – это ко мне относится), старые и новые, и опять начинает кружиться голова; забываешь о своих увлечениях на юге и т. д. Вот поэтому я и написала тебе эту записочку. А я к тебе пока по-прежнему отношусь (сама удивляюсь!). Поэтому очень хочется получать от тебя письма, хочется знать о тебе всё, дорогой! И я была очень огорчена, прочитав, что у тебя не ладится с работой. Только ты сам, Ваденька, не очень огорчайся (Советую жить по принципу: всё, что ни делается, – всё к лучшему.). Вероятно, куда ты хочешь поступить, – солидное учреждение. Это конструкторское бюро, что ли? Ты мне написал немного не понятно (ЦКБ).

Вадька, а я была целую неделю "на картошке". Так было хорошо, сейчас такая чудесная золотая осень, а как хорошо в лесу! В Москве сейчас очень тепло. Ах, дорогой, был бы ты здесь! Ты спрашиваешь, как у меня в институте, – неважно. Мне нужно много сдавать экзаменов за 1-й курс, а мне никак не сидится дома. Виновата, конечно, хорошая погода. Пересмотрела все немые фильмы: "Аэлита", "Папиросница из Моссельпрома" (потрясающие фильмы!), ну, и, конечно, "Разные судьбы", тоже понравился.

Ой, Вадя, мой брат сейчас рассказал мне интересный анекдот. Послушай, вернее, прочти. Англичанин, француз, американец и русский решили написать книгу о слонах. Англичанин написал: "Слоновая кость и её применение в промышленности", француз – "Слон и девушки Парижа", американец – "Что нужно знать среднему американцу о слонах". А русский написал 4-хтомник: "Россия – родина слонов", "Слон и империализм", "Классики марксизма-ленинизма о слонах", "Слон и наши современники". По-моему можно посмеяться.

Милый, а может, ты ко мне приедешь на праздники? Было бы очень хорошо. И я тогда ответный визит сделаю в Ленинград (если хочешь).

Насчёт фотографий одесских ты, вероятно, забыл, так вот, я тебе напоминаю.

Пока кончаю, пиши, если есть время. Целую много раз.

Марина.

P. S. А ты вредина, пользуешься моим неумением писать письма и пишешь такие хорошие и тёплые!

4.10.56 г.

Милая Маришка!

Прежде всего, дорогая, благодарю тебя за внимание с твоей стороны. Как приятно! Пришёл – в ящике письмо от тебя. В щели двери в комнату – телеграмма от тебя [Телеграмма не сохранилась (поздравительная ко дню рождения)]. /Как хотел бы я под предлогом благодарности коснуться губами твоих губ!/.

Маринка! Честное слово, сегодня ночью я несколько раз просыпался с мыслью о тебе. Вернее, мысль о тебе появлялась во сне, но она была настолько захватывающей и волнующей меня всего, что я просыпался. А проснувшись, я начинал размышлять, что сделать, чтобы сон стал явью. Радость моя! Как я хотел бы быть с тобой в праздники! Но, Маринка, славная! Постарайся на них приехать ко мне. я бы сделал всё, чтобы было так, как ты хочешь, – чтобы вначале я приехал к тебе. Но если бы я работал по-прежнему в институте, я бы, не задумываясь, уехал 4-го (или 3-го) до 8 го (взял бы 2 дня за свой счёт), но на-днях я думаю начать трудиться на новом месте (его профиль ты поняла верно), и будет невозможно это осуществить. А тебе, возможно, это проще. Приезжай! Это будет чудесно! Остановиться можешь у меня, если хочешь, у меня – отдельная комната. Только сообщи мне об этом заранее. А уж ответным будет мой визит, когда будут ясными мои дела.

Дорогая! Я сейчас – безработный, вот уже 3-й день. Вчера днём, в обед, я принёс в группу, где работал, бутылку «Токая» и торт "от Норда". Мы очень приятно отпраздновали мой день. Вот уж, поистине, по-настоящему оцениваешь, когда теряешь. Только сейчас мне ясно, насколько хорошие люди окружали меня и как они хорошо ко мне относятся!

Сегодня, отправившись не спеша в институт часов в 12, я по дороге зашёл в кино. Посмотрел "Катюку – бумажный ранет", а также 14-ю "Иностранную хронику". Да, побывать в Рио-де-Жанейро, наверно, не менее интересно, чем в Одессе.

Да! Похвастаю тебе: вчера я на отпущенные мне родителями по случаю моего дня деньги купил увеличитель и объектив. Теперь карточки будут. Мне так хочется их сделать, чтобы увидеть твоё изображение! А ещё я купил себе то, что называется "стильные коры", – югославские полуботинки на двойной коже. Вчера к концу дня я еле ковылял, – так натёр ими ноги.

Пишу тебе, дорогая, пером не простым, а золотым, чего наверняка не скажешь по тем жалким каракулям, которые из-под него выходят. Его в наборе с карандашом подарили мне бывшие сослуживцы.

Анекдот о слонах в твоём варианте посмешил меня и моих приятелей. Тот, который я знал раньше, отличался тем, что это был конкурс на лучший труд о слонах, на написание труда давалось 3 года (!). Середина (англичанин, француз) такая же, а далее: русский же в день, когда истекал срок, прибежал и, запыхавшись, объявил, что вчера к нему пришли гости и просидели весь вечер (!), поэтому ему, увы, некогда было написать. Это – вроде анекдота о том, кому сколько понадобится для изучения китайского языка, где последний, студент, отвечает вопросом: "А что, завтра сдавать?".

Маринка, иногда я придерживаюсь принципа: "Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей...". Поэтому во всех случаях, независимо от того, нравится она мне или нет, я бываю скуп в нежных словах.

/С тобой же, дорогая, мне хочется раствориться в нежности. Твоя близость для меня – сказочное блаженство./ К.) Приезжай! Дорогая, я всё сделаю, чтобы ты не пожалела о поездке. Ладно?

Ты, Маринка, обвиняешь меня во «вредности» и пишешь о своём «неумении» писать письма. Смотри, так, чего доброго, я могу переоценить твои чувства ко мне и подумать: "Представляю, какое блаженство испытывал бы я, читая "умело написанные" письма, если и такие читать – для меня огромное наслаждение!

Пиши, дорогая. Если хоть сколько-нибудь возможно, приезжай. Целую, жду. Твой В.

Мариночка! Сейчас я проявляю плёнки. Есть хорошие негативы. Кстати, ты не взяла у Люси адрес? Можно было бы и ей переслать пару снимков.

Насчёт твоего приезда в Ленинград напиши мне побыстрее. Хорошо? Вот пока всё, дорогая, жду от тебя вестей. С приветом! Вадим.

К.) Комментарий к письму от 4.10.56 г.

На эту фразу обратил внимание рецензент. А дело в том, что он считал эти письма сочинёнными автором «симфонии». Поэтому он своей критикой предполагал подправить текст писем, придать им, с его точки зрения, более приемлемый для публикации вид. Но на самом деле автор оставил письма нетронутыми. Эти обсуждаемые слова лишь отмечены нами прямыми скобками.

По существу текста писем. О чём здесь говорит Вадим? Он себя не сдерживает, не может по-другому. И мы с вами должны это понять. Очевидно, Вадим понял, что в разлуке его основным оружием в борьбе за сердце Марины могут быть именно комплименты и ласковые слова, – явное проявление его любви к ней. Так можно ли их убрать из писем?!

Ещё раз подчёркиваю, что этот роман – из подлинной переписки, которая содержит все подлинные слова, исходившие от обоих молодых людей практически с начала их знакомства, – через 8 дней после него и до самой свадьбы, – через 9 месяцев, был возможен и случился, благодаря уникальным обстоятельствам, является неповторимым по ряду особенностей: и города, их знакомства и проживания, и особенности их жизни (их возраст, внешность, интересы, окружение и проч.), и время, когда почта работала идеально, и ещё не было телефонов в квартирах и при себе, и – что они сохранили и соединили всю переписку, и затем удалось отпечатать её и опубликовать, дополнив пояснениями и комментариями и придав соответствующую форму.

Отмечу ещё, что Вадим процитировал изречение Пушкина наоборот, заменил «больше» на «меньше». Правильный текст приведён на титульном листе книги.

* * *

11.10.56 г.

Дорогая Мариночка!

Прошла ещё неделя моей безработицы. То, что я замыслил выполнить за это время, не удалось. Почти неделю я был дома, а сейчас уже у меня – 3-дневный стаж работы на новом месте (!!!). Если бы я вёл теперь более спокойный образ жизни, уже начал бы толстеть. Но 9-го же я побывал на двух вечерах и посмотрел "Вторую молодость" (Мне не понравилось, нудная.) и,

конечно, опять не выспался. Сегодня меня сагитировали пойти в Мраморный зал. Пожалуй, ненадолго схожу. Ты не возражаешь?

Отпечатал пока только несколько карточек. Посылаю тебе парочку. Остальные хотелось бы показать тебе, Мариночка, лично. Всё же надеюсь получить от тебя обещанную карточку. Пришлешь?

"Аэлиту" ещё не смотрела? К.). Если нет, то не ходи. По-моему, не стоит. У меня пока всё идёт хорошо. А как твои дела?

Пиши. Целую тебя, милая Маринка. Ты не представляешь, до чего мне было приятно видеть твои изображения на карточках. Надеюсь на-днях получить ответ на моё письмо; ты его уже написала (на предыдущее)?

С приветом, В.

К.) Марина уже раньше писала, что видела, но Вадим, видно, забыл.

11.10.56 г.

Ваденька, здравствуй!

Эта неделя у меня прошла довольно бурно, а сегодня – «накатила» хандра, сижу дома, и вот решила с тобой поболтать.

Сейчас все мысли о том, поеду ли я в Ленинград (?!). Конечно, милый, я прекрасно понимаю твоё положение и даже не обижаюсь.

Мне очень хочется увидеть тебя, да и посмотреть Ленинград тоже неплохо, к тому же я свободна на праздники целых 4 дня. Но, Вадька, как только я заикнулась своей мамаше... а ведь это было нужно сделать, хоть я не считаю себя ребёнком.

В общем, дорогой, если удастся умолить её, тогда, вероятнее всего, приеду.

В отношении комнаты ты не беспокойся, т. к. в Ленинграде живёт моя двоюродная сестра, которую, признаться, я никогда не видела.

Вадька, а вдруг я приеду! Не знаю, как тебе, но мне, по-моему, было бы хорошо. А загара у меня уже нет... В Москве сейчас холодно... Да и на душе как-то гадко и серо... Хотелось бы вспомнить твоё лицо. Глаза помню... помню улыбку... (Помнишь? Я тебя всегда просила улыбаться.). А в общем зрительная память у меня плохая...

Вадик, а как дела у тебя на работе? Напиши. У меня пока всё хорошо. На этой неделе была два раза на вечере, ходила в театр (смотрела "Белый лотос"). Завтра нужно тоже куда-то идти... вернее, приглашена на вечер в МЭИ (Московский энергетический институт). Будет настроение, пойду.

Насчёт моего приезда, в том или в другом случае, я тебе сообщу заранее, так что ты не волнуйся, справлять этот праздник ты будешь. Я тебя не подведу.

Сейчас я кончаю своё письмо, и дочитаю книгу Кронина "Звёзды смотрят вниз". Не читал? Прочти. Целую. Марина.

Р. S. Как я хочу тебя видеть, если бы ты знал!!! Целую глазки.

16.10.56 г.

Милая Мариночка!

Позавчера, в субботу, неожиданно для себя я побывал в Эрмитаже, затем, прогулявшись по городу, отправился в кино на картину «Жюльетта», которую раньше не смотрел. До чего же чудесный фильм! В воскресенье и понедельник решил отдохнуть, т. е. посидеть дома и ничем не развлекаться. Вчера возился с микрофоном, за карточки (далее) так и не принялся.

И вот, дорогая, получил твоё письмо... Только после этого мне до конца стало ясно, как велико моё желание видеть тебя. С этого момента ни о чём другом я не могу думать, вернее, думаю, но все другие мысли не вытесняют мысли о тебе. Сейчас утро, я на работе. Решил не ждать до конца дня и написать тебе сейчас.

Маринка! Несколько раз ночью я просыпался с мыслью, что ты рядом. Но... я был один.

Радость моя! Приезжай, если есть малейшая возможность. Мне думается, что мы с тобой чудесно проведём время. А почему мама против? Убеди её, скажи, что очень хочешь посмотреть Ленинград, познакомиться с двоюродной сестрой, наконец. Мне кажется, что если очень хочешь, то сможешь убедить кого угодно и в чём угодно. В общем, если будет так, как мы хотим, это будет чудесно!

/Мне даже не верится, что через 20 дней я опять смогу целовать твои замечательные губки, так сильно я этого хочу!/
Я жду твоего решения, жду тебя,/жаждущий обнимать и целовать, целовать тебя/, дорогая. Твой В.

"Звёзды" Кронина читал. Очень сильная книга. "Замок Броуди" ты тоже читала? Я прочёл "Письмо женщины" С. Цвейга. [Точное название: "Письмо незнакомки". – Авт.] У тебя нет чего-нибудь С. Цвейга? Дать почитать, а? В.

* * *

После этого письма следующее написала Марина, но Вадим его разорвал. В чём причина, ясно из самих писем, и, как говорят, "комментарии излишни".

3

Маринка!¹²

Только что полученное от тебя письмо – для меня, ты, конечно, понимаешь, полная неожиданность. Каждая строка в нём переворачивает всё во мне, оно попросту оскорбительно. Не задумывался, как можно истолковать моё письмо, но прекрасно помню, что думал, когда писал. Не понимаю, из чего ты всё это наворотила, а определения вроде "скотские отношения" можешь приберечь для других. Это настолько противоречит действительности, что я считаю унижением в этом оправдываться. Если ты просто этим письмом решила грубо порвать всякие отношения со мной, то зачем всё предыдущее?

Неужели оскорбительной мерзкой похотью можно объяснить желание видеться с тобой?

А для того, чтобы не приезжать в Ленинград, не было никакой необходимости в моих письмах выискивать, чёрт знает – какой, смысл. Могла просто сказать, что не приедешь.

Маринка! Мне всё прежнее казалось таким хорошим, что обидно, что ты этим письмом так запятнала мои мысли о тебе. Не понимаю, из чего взялось это письмо, зачем оно тебе было нужно. Жаль, очень жаль.

В.

¹² Это письмо написано карандашом, крупно, размашисто, конверт "Авиа".

23.10.56 г.

Ваденька, дорогой!

Действительно, я была в какой-то "белой горячке". Ты знаешь? Я прочла письмо, и твоя фраза "Несколько раз просыпался с мыслью, что ты рядом. Но я был один" показалась мне оскорбительной. Ну, конечно, я тут же накатала тебе письмо, а уж через 5 минут жалела. Мне показалось, что по приезду в Ленинград ты мне скажешь: "Не понимаю, зачем ты приехала?.. Ведь я тебе ясно всё изложил!.." Ты же знаешь, что это – мой больной вопрос. Но если это не так, то я тут же беру слова обратно и очень прошу меня извинить.

Если ты ещё хочешь, то я, вероятно, приеду в Ленинград. Я уже получила письмо от сестры, которая очень хочет видеть меня, ну и т. д.

Вадька, не обижайся! Ладно? Если приеду, я тебе всё объясню.

Марина (целую).

25.10.56 г.

Дорогая!

Признаться откровенно, я не на шутку обиделся на тебя за тон и слова твоего письма. Я несколько раз перечитывал его и не верил, что это ты могла написать. И это – после предыдущего письма, такого тёплого и нежного! То письмо в тот день я разорвал на мелкие кусочки и уничтожил. Это было первое письмо, с которым я так обошёлся. Оно было – как пощёчина. Мне было стыдно при одной мысли, что его может кто-нибудь прочесть. Но другое, написанное перед этим, я прочёл ещё вчера, – стало как-то грустно, и я решил, что всё же через пару дней напишу тебе пару слов.

И потом ты не представляешь, как мне самому неприятно брошенное так неуместно слово (слово – не воробей...) «дура». Я не раз об этом думал прежде и каждый раз ругал себя. У меня до сих пор не выходит из головы эта вдруг откуда-то выскочившая фраза. У меня было тогда такое чувство, что её сказал не я, а кто-то другой в моём присутствии. Но извиняться я тоже считал глупым. Это ничего не меняло бы, – всё равно уже сказано, сказано глупо, неуместно. А твои слова в конце того письма не раз приводили меня к мысли: "Если бы и стоило называть, то теперь...", но я тут же вспомнил Зернову, неловкость того момента, а затем – многое хорошее, что было тогда, а после всего – нежность твоего предпоследнего письма (твоё "целую глазки"), буквально сводившего меня с ума, а после него – опять холодный душ последнего письма и т. д. и т. п. по кругу. Думал я и не понимал.

И сейчас полученное твоё письмо всё поставило на место. Значит, я всё же правильно понимал тебя, ты не могла, если хоть сколько-нибудь дороги наши отношения, свести их к пошлости, которой, увы, много в жизни, но которая не украшает людей и их отношения. Ну, хватит об этом, постараемся забыть. Я считаю, что то письмо от тебя не получал. Правда, это письмо, опять же будь на твоём месте другая (К тебе я такие мысли не хочу относить.), можно рассматривать так же и как тонкое предупреждение всяких неосторожных слов и поступков с моей стороны. В общем, не хочу осложнять наши отношения. Отношусь к тебе по-прежнему. Будем надеяться, что ещё не поздно устроить праздники получше.

Короче говоря, Маринка, жду от тебя весточку. Напиши мне о времени твоего приезда. Если это будет не с 7 час. утра до 6 вечера, я тебя встречу на

вокзале. Напиши мне подробно всё, что ты думаешь, какие у тебя планы, когда приедешь и как встретимся.

*С приветом. До встречи, целую крепко,
по-прежнему твой Вадим.*

От автора

Приближались ноябрьские праздники. Обоим хотелось увидеться. И похоже, оба боялись, как бы что-нибудь непредвиденное или какое-нибудь ещё неосторожное слово не помешало встрече, которой оба очень хотели, даже смотрели на эти праздники, как на критический момент, от которого зависела судьба их дальнейших отношений: накал чувств на самом деле достиг предела, после которого без встречи мог быть срыв. А пока шло время, шли и письма.

30.10.56 г.

Вадя!

Приеду в Ленинград 7-го ноября, рано утром. Раньше выехать невозможно. Встречать меня не нужно, а найдёшь ты меня в Сапёрном переулке, доме М, кв. N. Спросишь Орлову Зину. До встречи.

Марина.

Фототелеграмма от 30.10.56 г.:

"Маринка! Если можешь, сообщи сейчас, какого числа примерно ты приедешь в Ленинград. Причину объясню потом. До встречи. С приветом. В."

Телеграмма от 31.10.56 г.: "Приеду 7 ноября утром. Марина."

31.10.56 г.

Милая Маринка!

Письмо твоё оказалось во много раз быстрее изображённого на конверте дизель-электрохода «Россия». Отослано оно вчера, а сегодня я его уже получил. Сегодня же днём получил и твою телеграмму.

Что ж! Если не хочешь, постараюсь не встречать. Очевидно, тебя будет кому встретить.

Ну, а вечером... Вечером будешь ли ты со мной? К тому же на сколько дней ты приедешь? Много ли времени предполагаешь пробыть с родственниками? И когда же тебя искать у родственников? Ведь я могу приехать на Сапёрный сразу после прихода поезда в Ленинград (!!!)

В общем я назадал тебе тот ряд вопросов, какой обычно задают корреспонденты при приезде какого-нибудь дипломатического лица. При этом ответы бывают такие, что ничего яснее не становится. Но я надеюсь, что ты – не дипломатическое лицо и попросту мне всё расскажешь.

У меня всё так же. Понемногу ишачу, понемногу гуляю.

Даже не верится, славная, что я тебя скоро увижу! Жду с нетерпением встречи с тобой. По-прежнему твой Вадим.

P. S. Спасибо за быстрый ответ на мою телеграмму.

2.11.56 г.

Милый Вадька!

Правда, не все корреспонденты достаточно хорошо разбираются в интервью, данном дипломатом, но я – не дипломатическое лицо, а ты – не корреспондент и, вероятно, разберёшься. Вопросы, конечно, по-существу.

1. Можешь, Ваденька, меня встретить, но я считаю, что лучше будет, если ты придёшь (если будешь свободен) в Сапёрный часам к 9–10 утра, я уже в это время буду в Ленинграде.

2. Насчёт вечера того же дня, то это будет зависеть от твоего хотения.

3. В Ленинграде буду 4 дня. Выехать из Ленинграда могу 11-го ночью, в общем посмотрим.

До встречи, Марина.

Р. S. И всё-таки, почему, вдруг, ты дал телеграмму? Почему такая поспешность? Я что-то никак не могу понять. Надеюсь ещё получить от тебя весточку.

С приветом. М.

4.11.56 г.

Дорогая!

Получил твоё письмо. Рад, что у тебя всё хорошо. Твой поезд, очевидно, придёт ночью, а во сколько, из твоих слов совершенно не ясно. Я хочу как можно быстрее тебя увидеть, но вижу, что самое разумное – приехать на Сапёрный к 9–10 часам утра. Хорошо?

Не уверен, что эта весточка застанет тебя ещё в Москве, ведь почта сейчас так перегружена! Поэтому старался не писать ничего особенно существенного. Поговорим обо всём, когда приедешь. Согласна? Ну, вот и хорошо. С приветом. Жду с нетерпением встречи с тобой.

Вадим.

От автора

Итак, они договорились о встрече в Ленинграде.

Вы заметили, что Вадим в телеграмме просил Марину заранее сообщить, приедет ли она? Как видим, заметила это и Марина. В чём же дело? А всё объяснялось тем, что одновременно собиралась приехать и другая москвичка, с которой он познакомился раньше в Сочи! К.)

Он понимал, насколько всё может осложниться. К тому всё и шло, когда стало ясно, что едут обе девушки. Ещё хорошо, что они приехали разными поездами! С другой девушкой, Светланой, он переписывался дольше и никаких серьёзных намерений никогда не имел. Она просто ему нравилась, как и некоторые другие. Отчего было не походить с ней по любимому городу в праздники? Но не теперь! Теперь он её встретил и сразу во всём признался (ничего не оставалось). Ну, не ходить же им втроём!

Он решил в компанию праздничного вечера пригласить обеих, но с полной ясностью всех отношений. Света на него не имела особых прав обижаться, так как во всех их отношениях, как и в переписке, не было «несдержанных» слов и поступков, переходящих грань простой дружбы.

* * *

Я не собираюсь подробно рассказывать вам о том, как Вадим и Марина провели эти четыре дня. Скажу только, что разлука, да вы и сами это понимаете из писем, зарядила их

желанием встречи. А встреча не разрядила, а наоборот, увеличила этот заряд. Скажу откровенно, чем больше теперь, после разлуки, Вадим смотрел на Марину, тем больше любовался ею, всё чаще становился рядом с ней молчаливым и задумчивым и млея, грустно оглядывая её. Ему нравилось, как она одета. Ведь там, на юге, она ходила в лёгких летних платьицах и купальнике. А здесь были красивое добротное пальто, лёгкая меховая шапочка. Он поймал себя на мысли, что знакомство на пляже имеет неоценимое преимущество.

Вечером они были в компании его друзей. Друзья восприняли его новую знакомую так же несерьёзно, как и предыдущих, так как прежде он приходил почти каждый раз с новыми. Танцевать ему не хотелось. Хотелось наслаждаться обществом Марины, но уединиться было негде. Он не отходил от неё ни на шаг. И лишь два коротких момента уединения позволили им поцеловаться.

После вечера он её проводил. Но было поздно, и приходиться к родственникам он не мог. Поэтому пришлось расстаться сразу, договорившись о встрече утром.

На этот раз он пришёл прямо к ней, познакомился с её родственниками. Это была сестра её мамы с мужем и дочерью. Вадим чувствовал неловкость под их пытливыми взглядами, пытался изображать себя «взрослым», для важности курил «Беломор», не понимая, что это могло не понравиться. Днём они гуляли. Он фотографировал её, благо погода была неплохая. Эти снимки, – на фоне Эрмитажа, "Медного всадника", у Ростральной колонны, – со временем заняли достойное место в альбоме. Столь долгожданная встреча пролетела, как один миг. Она ничего не развеяла. Наоборот...

* * *

К.) Комментарий к авторскому тексту после письма от 4.11.56 г.

Вопрос рецензента: "Кто же он?". Отвечу только, что упоминаемое здесь знакомство было до Марины. Об остальном – судите сами.

Опасаясь, дорогой читатель, что ты присоединишься, хотя бы на время, к недоумению рецензента, что за личность мой герой, не легкомысленный ли он, не обычный ли ловелас. Отметим здесь, что на самом-то деле он – никакой не бабник, и всё, что было у него до того, за все его 28 лет, всё было в ожидании любви.

И ещё одно замечание к книге хочу сделать. Это – роман. Мы с вами привыкли, что в романах – не одна, а несколько сюжетных линий, много действующих лиц, каждое – со своим характером. Здесь же – переписка двоих. И всё время – только они! Это же, видно, сознают и сами авторы писем. И когда в тех или иных условиях в текст писем вплетаются ещё и другие, пусть эпизодические, личности, они оживляют повествование. Прочитывая книгу, ближе к её концу, мы уже можем вспомнить и некоторых знакомых Вадима и Марины. Они предстают перед нами живыми образами и наполняют жизнью пространство, окружающее наших героев, а также дополняют их характеристики.

4

И опять единственным лекарством для наших героев оказались письма, хотя и они теперь становились всё менее «спасительными». Можете сами в этом убедиться.

В ночь на 12.11. 56 г.

Радость моя!

Уже целый час ты в пути. Ну, как поладили вы с Леной? А как твоё настроение, когда ты читаешь эти строки? Кто тебе приснился в поезде?

Я же домой добирался на одном троллейбусе, одном автобусе, двух трамваях и ещё одном автобусе. При этом, при езде на первом трамвае, ты всё-таки сумела мне присниться. В результате я проехал дальше, чем нужно.

В ушах ещё звучит твой милый смех, на столе – огрызок яблока, выловленного из стопки, яблока, которое кусали твои зубки. Тут же почему-то недопитое вино и кучка конфет, которые я сейчас выложил из кармана. Вот уж был как во сне! Я их взял с собой для тебя и забыл предложить.

Ну, как твоё самочувствие, дорогая? Пришла ты в себя? Как Москва? Да, Москва – опасный соперник!..

Ну, пока кончаю, моя драгоценная! Пиши. Опьяненный тобой, твоими поцелуями, любящий тебя Вадим.

2 ч. 20 м.

13.11.56 г.

Маринка, драгоценная!

Я никогда не думал, что *так* [Слова «так» и, далее, «важные» подчеркнуты.] буду переживать. Какое это мучительное счастье – любить!

Сейчас мне нужно вплотную приниматься за дело, но я не могу не сказать тебе пару слов. Ждать письма от тебя, дорогая, сущая пытка! Я считаю часы с момента твоего приезда в Москву. Основные *важные* вопросы, мешающие моему существованию: написала ли ты мне сразу после приезда (считаю, что, конечно, нет), или, может, вечером после работы (считаю, что устанешь, – будет не до того), но, вероятнее, – сегодня утром или – после получения моего письма, опущенного вчера утром: оно, очевидно, дойдёт до тебя завтра к концу дня, т. е. в худшем случае твоё письмо может прийти числа 17-го. А до 17-го ещё нужно жить! Да к тому же, может быть, ты настолько пресытилась Ленинградом и соскучилась по Москве, что захочется хотя бы на время посвятить себя целиком московским знакомым и делам... Но ты, Маринка, напиши мне в любом случае, хотя бы два слова. Ведь любые слова в тысячу раз лучше, чем молчание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.